

КОНСТАНТИН БЕЛОСЛУДЦЕВ

Ворота

Константин Белослудцев

Ворота

«Издательские решения»

Белослудцев К.

Ворота / К. Белослудцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857130-5

В мире существуют некие Ворота. Почти никто не знает, что это такое, почти никто их не видел, но Дима, девятнадцатилетний юноша, знал о Воротах с самого своего рождения. Их нужно открыть, и юноша должен сделать это. Читая эту книгу, вы попадете в атмосферу таинственности, созданную историей о Воротах, погрузитесь в размышления о древности нашего мира, о Вселенной и о создании всего сущего, и вместе с Димой пройдете через тяжелые любовные переживания, вызванные его отрицанием любовных отношений.

ISBN 978-5-44-857130-5

© Белослудцев К.
© Издательские решения

Содержание

1....	6
2. Святой Рыцарь	7
3. Цветочный сад	16
4. Призраки цветочного сада	23
5. Шкатулка с жетонами	33
6. Энергия, скрытая за пеленой	42
7. Занавес	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Ворота

Константин Белослудцев

© Константин Белослудцев, 2017

ISBN 978-5-4485-7130-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Так и мой дух, бегущий и смятенный, вспять обернулся, озирая путь, всех уводящий к смерти предреченной» – Данте Алигьери «Божественная комедия».

1....

Ночью им снился один и тот же сон.

Им было известно, что солнце еще должно освещать землю своим согревающим светом, но тьма, исходящая из самого воздуха, уже окутывала все вокруг. На цифровых часах, висящих на стене, красным цветом мигали цифры, показывающие, что время еще не позднее, и ночной тьме окутывать землю пока рано, но было темно, словно ночью, и замогильный холод выходил из квартиры в подъезд через открытую настежь дверь.

Тень, фигурой напоминающая молодую девушку, подошла к окну и окинула стоящий за стеклом город любопытным взглядом.

– Итак, сейчас все наступит, – сказала она тонким женским голосом, – Будете ли вы жалеть об этом?

– Несмотря ни на что, я долго шел к этому, – уверенно ответил ей юноша, сидящий на диване напротив окна, – Теперь мне уже не о чем жалеть.

– Тебе совсем не жалко привычный для семи миллиардов людей мир?

– Не жалко.

– Не жалко, говоришь? Что ж, как тебе будет угодно. Тогда, я начинаю.

– Я всю жизнь шел к этому. Я не понимал, зачем, почему... теперь я все понимаю. Начинай... нам тебя, все равно, не остановить.

– Я-то начну, – загадочно произнесла девушка, – Но ты со всем этим связан, не забывай. Что будет с тобой, когда начнется?

– Что случится – то случится... уже ничего не поделать, – подняв взгляд на тень, сказал юноша, – Начинай.

2. Святой Рыцарь

Алиса отложила гитару в сторону, и отовсюду послышались аплодисменты. Аплодировал даже Дима, хотя все женские взгляды тогда были прикованы к нему. «Все смотрят на меня, – совсем не удивляясь, подумал он, – Алиса была хороша, а я спел так себе...»

Дима удивлялся, но ничего удивительного в этом не было. Он был единственным парнем во всей группе и, к тому же, мог похвастаться небольшой долей красоты и ума. Его отец, по слухам, был богатым, и это нравилось большинству девушек, окружающих юношу. Все они с неосознанной жадностью смотрели на Диму и желали вцепиться в горло Алисе за то, что она была удостоена чести побывать у него в квартире, когда они репетировали песню. У Алисы не было молодого человека, и после посещения Димы по институту о ней стали расползаться недобрые слухи.

Но все они держались на весьма рыхлой почве. Дима старался избегать девушек и, в целом, отношений с ними. Он гордо именовал себя Святым Рыцарем и пресекал любые попытки противоположного пола сблизиться с ним, поэтому почти никто из знакомых и не пытался. Многие хотели, но не получалось, а Диме, который спокойно мирился с этим, было только весело. Казалось, ему никогда не надоеет наблюдать за попытками очередной девушки сблизиться с ним. «Разве, не наоборот бывает? – иногда думал он, – Вроде, да. Значит, я особенный».

Особенным он себя считал с самого детства, но быть таковым у него в большинстве случаев не получалось, ведь многие считали его всего лишь «странным». В детском саду он еще всерьез не задумывался о своих отличительных особенностях, а в школе, из-за неудержимого обаяния, собрал вокруг себя множество друзей, хотя настоящими считал лишь двух. Так и в институте: попрощавшись со всеми своими школьными друзьями, он попал в новый коллектив, полностью состоящий из девушек одного с ним возраста. Сначала это вызывало у него много проблем, но вскоре все поняли, что Дима немного не в себе, и попыток заполучить его в «парни» стало куда меньше. «Я Святой Рыцарь, – лишь говорил Дима, – Я достигну просветления, если не буду предавать свой разум низменным потребностям».

После такого признания над ним много кто смеялся, но долго это не продолжалось; Дима не особо напоминал об этом, и вскоре его намеренная отчужденность от девушек превратилась для них в обыкновенный страх перед представителями другого пола. Дима почти не говорил о том, какие мотивы им двигают, поэтому девушки не думали о Диме, как о каком-нибудь особенном человеке, и относились к нему со всей своей обыкновенной простотой.

Раньше Диме часто говорили, что рыцари – это грязные животные, похотливые и испражняющиеся в свои собственные доспехи, но Дима это и сам знал, хоть и создавал свой образ на их подобии. Он презирал то, что раньше рыцари были такими, поэтому себя всегда называл именно Святым Рыцарем, рыцарем, которому чужды обыкновенные человеческие потребности и который делает все, чтобы его душа возвеличилась над всеми остальными.

Но и тут появлялись проблемы. Дима называл себя Святым Рыцарем, но в церкви его никто никогда не видел. Дима не мог решить, существует ли бог или его нет, поэтому старался держаться подальше от религии, а свою святость объяснял чистыми мыслями и непорочностью. Главной целью для него было не сблизиться с богом, а лишь делать себя с каждым разом все совершеннее и совершеннее, и как Святому Рыцарю, ему это удавалось.

Никто особо не интересовался его вкусами и интересами, и Диме это приходилось вполне по душе. Многие не знали, какую музыку он слушает, какие книги читает и какие фильмы предпочитает смотреть. Но кое-кто догадывался. Алиса, девушка, сыгравшая на гитаре, знала о Диме почти все... и песню для исполнения, учитывая Димины интересы, выбрала именно она. Песня была весьма сложна для исполнения, и тем больше Дима стал уважать Алису, подо-

бравшую музыку, сочетающую в себе множество музыкальных инструментов, под одну единственную гитару. Алиса была настоящим профессионалом своего дела, истинным музыкантом... девушка и пела прекрасно, и играла на нескольких инструментах: на гитаре, пианино и виолончели. Особенно хорошо у нее получалось играть на гитаре, по цвету гармонирующей с ее длинными рыжими волосами, поэтому Дима попросил девушку использовать для песни именно этот музыкальный инструмент.

Исполнять же песню пришлось из-за того, что в институте была традиция в конце каждого учебного года выбирать двух случайных людей из каждой группы и заставлять их спеть любую, какую они только пожелают, песню, и выбор, как назло, пал именно на Диму и Алису. Возможно, в этом был какой-то скрытый мотив организаторов данного мероприятия, но Алиса им воспользоваться не сумела, а Дима вообще никаких тайных смыслов в этом не заметил. Петь он умел, поэтому проблем не было.

– Красиво, – протянула одна из девушек, Юлия Панкова, – Долго репетировали?

Дружный гул остальных девушек поддержал ее в этом вопросе.

– Три раза встречались, – гордо ответила Алиса, – В его квартире.

Дима после ее слов невольно ухмыльнулся. «Ей понравилось, – подумал он, – А еще, я ей нравлюсь, понятно же».

– Ладно, мне пора, – юноша остановил недовольный шепот в рядах девушек, – У меня поезд скоро.

– Ты уезжаешь? – разочарованно спросила Алиса, – В Москву? Домой?

– Угу.

Ни Алиса, ни кто-либо другой не мог понять Диминого выбора продолжения учебы после школы. Раньше он жил в Москве, ЕГЭ сдал чуть ли не на максимальное количество баллов, а поступил в совершенно безымянный институт, находящийся в совсем небольшом городке, носящем неприметное название Латин и стоящем вблизи Уральских Гор. Учился он на филологическом факультете, в котором на старших курсах было всего шесть юношей; в его же группе учились одни только девушки. Литература среди мужской части выпускников была уже не популярна, а Дима всегда любил читать, поэтому и выбрал для сдачи ЕГЭ именно ее, и так получилось, что он попал в коллектив, в котором все сдавали литературу, а значит, в какой-то степени любили или попросту уважали ее. А читающим девочкам, как сам думал Дима, нравятся читающие мальчики. Он не мог поручиться за правдивость этой мысли, но ею он объяснял многое: и необычную увлеченность им, и бесчисленное количество попыток девушек сделать его своим парнем. «Такие отношения бывают только в аниме, – иногда думал Дима, – Собрал вокруг себя гарем, а сам – бака».

– Ладно, мне, действительно, пора, – сказал он девушкам, пытающимся задержать его хотя бы еще на несколько минут, – Поезд скоро.

Он улыбнулся, казалось, каждой, но удовлетворить их странного поведения не сумел. Всего в группе было пятнадцать студентов, включая его самого, и все они собрались на площади возле общежития. Было утро, студенческая учеба закончилась день назад, и погода была необычайно жалостливой к бедным студентам. Солнце палило не так сильно, но и холод никого не мучил. Было только утро, дул слабый прохладный ветерок, где-то вдали сквозь шум проезжающих по дороге автомобилей слышалась сирена спешащей кому-то на помощь машины скоро помощи, а в кронах черно-бело-зеленых берез, посаженных вокруг общежития в форме прямоугольника, залиристо пели утренние птицы.

Дима, веселя себя, улыбнулся девушкам еще раз и попытался скрыться с их глаз. Он прошел по тротуару к дороге и остановился возле горящего красным светофора.

– И парней себе найдите уже! – когда загорелся зеленый, крикнул напоследок Дима.

Алиса, играющая на гитаре, на миг остановилась, посмотрела на Диму и продолжила играть дальше. Она не могла представить своим парнем никого другого, кроме Димы. За год

она успела по-настоящему влюбиться в него, не как остальные девушки, которым он был просто интересен. Алиса всегда думала, что ее чувства выше чувств, например, Юли Панковой или любой другой девушки. Она слышала их разговоры о нем и постепенно понимала, что по-настоящему его никто не любит, кроме нее самой.

Дима же лишь слегка возвышал Алису над другими. Для него она была очередной простушкой в его гареме, но простушкой, сумевшей подобраться к нему ближе всех... Однако он не считал ее чувства особенными, высокими. Такими он считал лишь собственные чувства, свое мировоззрение. «Я, вообще, выше всех этих чувств и отношений, – иногда, когда не хватало женской нежности, думал Дима, – Это все низменные инстинкты, они не нужны».

Маневрируя между многочисленными прохожими, которые спешили по своим делам, он вдруг вновь подумал о том, что ему не хватает женщины. Сжимающая само сердце тоска разгорелась в его груди, но почти моментально была подавлена натренированным сознанием. Дима понимал, что с простыми человеческими потребностями сложно бороться, поэтому, когда становилось совсем плохо, просто начинал думать о собственной смерти. Тогда любовная тоска не выдерживала тоски из-за мыслей о собственной гибели и попросту рассеивалась, ведь Дима совсем не хотел умирать. Он знал пару людей, которые поведением были похожи на него, но у них, как было заметно, смысла жить вообще не было. Такие люди днями напролет сидели за компьютерами и просматривали японскую анимацию. Жирные, бородатые и немытые, они гордо именовали себя битардами и хикикомори и не просто избегали отношений с девушками, а вообще сторонились всего общества. Дима никогда не причислял себя к ним, но и не осуждал их. Он считал, что каждый человек вправе выбирать свой собственный жизненный путь, и никто не должен осуждать других. Дима жил по своим собственным правилам, и никому их не навязывал.

Идя к дому, он облегченно вздохнул. Очередной приступ любовной тоски прошел, и мысли прояснились.

– Отношения загоняют человека в тупик, – прошептал Дима про себя выученную фразу, – Любовь убивает всю индивидуальность.

Будто в ответ ему на крыше одного из домов в яростной схватке столкнулись два кота, и до его слуха донеслось злобное шипение, выражающее столько ненависти, что Дима даже улыбнулся. Коты, наверняка, дрались за самку. Отсутствие бессмысленных драк за право обладать самкой являлось еще одним плюсом на чаше весов тяжелой жизни Святого Рыцаря. Теоретически Дима позволял себе вступить за женщину, если ей необходима помощь, но мысли о драке, чтобы овладеть ей, были ему противны.

Размышляя о драках, котках и самках, он и не заметил, как подошел к дому.

Юноша расположился в старой хрущевке недалеко от института и общежития и уже через пару минут после прощания с девушками был в подъезде, стены которого пестрили непристойными изображениями и философскими изречениями, выведенными черным маркером. Войдя в подъезд, Дима принялся подниматься по лестнице на третий этаж, к себе домой, в съемную квартиру, за которую платил его отец. Хотелось кушать, а дома в духовке лежала приготовленная день назад запеканка с рисом, сыром, морковью и яйцом.

Порывшись в кармане и достав ключи, Дима лениво отпер дверь квартиры, вошел внутрь и сразу направился на кухню. Он достал запеканку из духовки и положил кусок внушительных размеров в тарелку, которую затем поставил в микроволновую печь, чтобы разогреть ее содержимое. Пока микроволновка неприятно гудела и крутила тарелку с запеканкой по кругу, Дима сходил в спальню и включил роутер, распускающий по дому беспроводную интернет-связь. В кармане тут же завибрировал телефон – разные приложения высветили на экран свои уведомления и кто-то прокомментировал его запись в социальной сети.

Время было не на его стороне, но Дима, желая кое-что проверить, вошел в интернет и просидел в нем около десяти минут; благо все вещи были собраны заранее, и лишь компью-

тер, различные фигурки и плакаты с фильмами, видеоиграм, аниме и подобными вещами, которые Дима любил коллекционировать, остались на месте. Увозить атрибутику любимых фендомов в Москву Дима не собирался – отец совершенно не разделял его интересов и всегда был против странного увлечения своего сына. Особенно ему не нравилось, что Дима часто смотрит «китайские мультики», которые, как объяснял ему сам Дима, вовсе не китайские, а японские. Дима любил японскую анимацию, аниме, ее характерный стиль рисовки и сюжеты многих сериалов. Бывало, его из-за этого иногда называли «анимешником», но он не вел себя, как другие анимешники, перекрашивающие волосы в яркие цвета и переодевающиеся в любимых персонажей. Все, что делал Дима – это лишь смотрел некоторые выдающиеся аниме-сериалы и старался из-за этого никак не выделяться.

Выключив роутер и выйдя из обычно в меру захламленной комнаты, он закрыл за собой дверь и вскоре оказался на кухне, чтобы, наконец, съесть кусок запеканки. После второго утреннего завтрака он проверил все комнаты на наличие не выключенной из питания электроники, собрал оставшуюся в доме еду в мусорный пакет и, выкинув ее в мусорный бак, направился в сторону автобусной остановки. За его спиной болталась тяжелая сумка с одеждой и едой для поездки на поезде и, хотя до железнодорожного вокзала нужно было идти всего три километра, нести сумку ему, все же, не хотелось.

Примерно на половине пути юноша неожиданно остановился, будто таинственная невидимая сила преградила ему путь. «Как же я так просто? – сказал он сам себе, – Нужно вернуться!»

До поезда оставался всего час, поэтому ему пришлось поторопиться, но все опасения оказались напрасными. У дома Дима оказался уже через десять минут.

Он не стал подниматься в квартиру, а, наоборот, спустился вниз, в подвал, который большинство жителей даже не использовали за ненадобностью. Попав в мрачный серый коридор, утопающий во тьме, Дима нащупал перед собой ниточку и дернул за нее. Небольшой участок подвала осветил тускло-желтый свет старой лампы накаливания, но этого должно было хватить. Юноша, ведя пальцем правой руки по пыльной бетонной стене, по линии, начерченной черным маркером, прошел немного вперед, пока линия, указывающая верное место не окончилась. Дима остановился и прошептал: «Раз, два, три...». Досчитав до десяти, он развернулся и, приставив палец уже к линии на другой стене, зашагал обратно. Когда она закончилась, Дима вновь зашептал цифры, после чего закрыл глаза и прочитал строчки из «Божественной комедии» Данте:

– Так и мой дух, бегущий и смятенный, вспять обернулся, озирая путь, всех уводящий к смерти предреченной.

Этот несложный ритуал был запомнен им до мелочей, ибо повторялся уже бесчисленное количество раз.

Больше от Димы ничего не требовалось, и он уверенным шагом вернулся к двери, за которой была лестница, ведущая наружу. Юноша потянул дверь за ручку, но вместо привычной лестницы наверх увидел еще один пахнущий пылью коридор, стены которого были уже не бетонными, а выполненными из неотесанного серого, в некоторых местах покрытого зеленой плесенью, камня. Освещения здесь не было, поэтому Дима, закрыв за собой дверь, включил фонарик на телефоне. Его свет попал на слегка приоткрытые ворота, покрытые стальными пластинами, прибитыми к дереву гвоздями с широкими шляпками.

Подойдя к воротам, Дима легонько толкнул их, и они отворились. За ними взору открывалось небольшое помещение квадратной формы и еще одни ворота, только запертые. Дима осторожно, пытаясь не издать ни звука, подошел к ним и приложил к холодному дереву ухо. Из-за ворот доносилась едва слышимая музыка. Дима отчетливо различал звуки арфы, лиры и свирели.

Он уже целый год пытался открыть эти ворота, но все попытки были тщетны. Если Первые он попросту открыл ключом, который был вставлен в замочную скважину, то Вторые открыть никаким образом не удавалось. Замочной скважины не было, как таковой, а все попытки силой открыть ворота заканчивались провалом. Казалось, они сделаны не из простого дерева, а из прочного железа.

– Все хорошо, – прошептал Дима, – Теперь можно спокойно уезжать. Думаю, дома я найду ответы.

Вернувшись к двери, он вышел обратно в подвал и повторил весь ритуал от начала до конца.

– ... всех уводящий к смерти предреченной.

Ощущения не изменились, но Дима понял, что все прошло успешно. Он вытер со лба пот, развернулся, подошел к лестнице, поднялся наверх и, молясь всем известным богам, открыл дверь.

Свежий летний воздух всколыхнул его длинные черные волосы, и юноша вздохнул с облегчением. Как-то раз, когда порядок проделывания ритуала вылетел у него из головы, он на весь день застрял в том коридоре с Воротами, тайнами и загадочной музыкой и не желал, чтобы это повторилось. Ему даже представить было страшно, какая мучительная смерть ждала бы его в этом случае. Ему часто снились сны о том, как он застревает у Ворот, но еще чаще в своих сновидениях Дима видел, как в первый раз проделывал ритуал, чтобы попасть к Воротам. Этот сон повторялся раз за разом, и это пугало его.

Однако все обошлось, и Дима, как можно скорее, поспешил к автобусной остановке. Поезд из небольшого городка Латин отбывал через сорок минут.

Одинаковые зеленые пейзажи центральной части России Диму ничуть не интересовали. Ему нравились горы, озера, горные долины и глубокие реки, а бесконечные поля с лесами его взор к себе совсем не притягивали, поэтому большую часть пути он лениво листал сборник рассказов, изредка разбавляя скучную дорогу прогулками по незнакомым городам, когда поезд останавливался на станциях на долгое время. Эти прогулки освежали и тело, и мысли. В плацкартном вагоне непрерывно стояла ужасная жара, пахло рыбой и невымытыми ногами, которые свешивались в проход между кроватями и сильно затрудняли людям жизнь, когда те решали сходить в туалет или за водой.

Дима расположился на верхней полке кровати и почти не слезал с нее. Напротив него слушала громкую музыку некрасивая девушка с торчащими во все стороны зубами, а внизу кряхтела жалующаяся на жизнь и нынешнюю молодежь старуха, которая ехала в сторону столицы вместе со своим непослушным внуком, доставляющим неудобства всему вагону. Он то ревел, то смеялся, то, сопровождаемый матом бородатого мужика, который ехал за стенкой, бегал из одного конца вагона в другой.

Ни о каком покое не могло быть и речи, а наушники Димы, как назло, сломались, и ему приходилось терпеть все муки долгого путешествия на плацкарте. Он и не помнил, сколько раз проклял себя за решение съездить домой.

– Самолет был бы лучше, – сказал Дима девушке, когда до его станции осталось примерно двести километров.

– Что? – страшненькая не поняла, – Самолет?

– Да, самолет, – ответил Дима, – На плацкарте с ума сойти можно. Ты, ведь, в Перми на поезд села?

– Да.

– До Перми я на самолете долетел, а дальше до Латина – в поезде, но в купе вместе с отцом.

– Рада за тебя, – девушка, разговаривая с ним, невероятно стеснялась лишний раз открыть рот, а Дима, на протяжении всего пути, пытался разговаривать с ней как можно чаще, чтобы заставлять ее чувствовать стыд.

– Да, наверно, – юноша зевнул, – Ладно, мне пора собираться.

– Но ты же говорил, что в Москву едешь.

– Уже нет, – Дима улыбнулся, – Отец звонил, сказал, что на лето на дачу жить переехал. Вот и я на даче поживу. Чего плохого?

– Ничего, – девушка покраснела и отвернулась, – Ладно, собирайся.

Дима осторожно спустился вниз и стал аккуратно складывать постельное белье на край кровати и стирать все следы своего пребывания в этом вагоне. За пять минут со всеми делами было покончено, и оставалось только ждать.

В его деревне поезд не останавливался, поэтому на подступах к ней юноша пересел с него на электричку. После душного плацкартного вагона недолгое пребывание в прохладной и не набитой потеющими людьми электричке показалось ему настоящим раем.

Утопающая в зелени станция, которая выглядела, как обычная автобусная остановка, встретила Диму с распростертыми объятиями. Точнее, это сделал его отец, Хандорин Андрей Иванович, ждущий своего сына рядом с узкой протоптанной тропинкой, уводящей к деревне, в которой Диме предстояло провести некоторое время.

– Дима! – еще издали закричал Андрей Иванович, – Иди сюда, быстро!

Дима рассмеялся и со всех ног бросился к отцу, который так обнял его, что выбил весь воздух из легких.

– Я соскучился! – Андрей Иванович был готов разрыдаться от радости.

– Я тоже, тоже! – Дима, действительно, соскучился, – Ну, пойдём?

– Да, конечно!

Андрей Иванович выпустил сына из крепких объятий и с гордостью посмотрел на него.

– Совсем на меня уже похож, – сказал он.

Дима вновь не сумел сдержать приступ смеха. До отца ему было еще далеко. Андрей Иванович был сильным высоким мужчиной с вздувающимися под одеждой мускулами, короткими стриженными волосами и суровым лицом, которое покрывала трехдневная щетина. Рядом с ним не настолько крепкий и волосатый Дима выглядел неважно, однако ростом и манерой поведения он был схож с отцом. Даже походка у них была одинакова.

Деревня, в которую прибыл Дима, была построена недавно. Все дома и постройки отличались своей новизной, и в большей степени являлись загородными домами людей из городов и столицы, находящейся в ста километрах от деревни, которая в буквальном смысле тонула в лесной зелени. Деревья росли везде, и даже в огородах некоторых немногочисленных домов, которых стояло всего тридцать, можно было увидеть высокие ели или лиственницы с березами. В центре под легким ветерком плескался своей немного мутной водой пруд, в котором жители разводили карпов и окуней, изредка выпрыгивающих из-под воды и разжигающих у людей желание порыбачить, а рядом с ним расположилось единственное в деревне каменное строение, в котором находился медпункт. Фельдшер, работающий в нем, жил в доме напротив, и был самым уважаемым человеком в деревне.

Дима все это знал, ведь проводил в этой деревне уже не первое лето. Его отец купил участок земли и дом сразу же, как только все это начало продаваться, и заселился в новую дачу одним из первых, а Дима тогда был вместе с ним. После того, как от них ушла его мать, которая

никогда не любила ни Андрея Ивановича, ни самого Диму, он постоянно находился рядом с отцом, пока не пришлось уехать учиться в другой город, ставший для Димы вторым домом.

Юноша шел по деревне и вспоминал, как хорошо было жить, когда рядом был кто-то взрослый. Хоть ему и недавно исполнилось девятнадцать, он все еще чувствовал, что жить в одиночку ему трудно... но глаза боятся, а руки делают. Дима спокойно прожил целый год без отца, и проблем с этим у него почти не было, разве что тоска по дому иногда давала о себе знать. Но интерес брал вверх. Дима мог бы учиться в Москве и жить с отцом, но тайна Ворот не давала ему покоя, он должен был разгадать ее, выдерживая при этом все лишения, подставляемые ему жизнью.

– За год тут ничего не поменялось, – сказал Дима, когда они подошли к дому.

– А чего менять-то? – весело спросил отец, – Все и так хорошо. Хотя, смотри, ставни поставил.

– Не так уж заметно.

– Но от солнца они хорошо защищают, – уверил его отец, – Пойдем, ты, наверняка, кушать хочешь.

Внутри дом выглядел совершенно не так, как можно было представить по строгому внешнему виду Андрея Ивановича: все вещи были разбросаны, на полу и на стенах копилась пыль, и в раковине на кухне лежала немытая посуда. Случайный гость, зашедший в дом, мог сразу понять, что в этой обители никогда не жила женщина, и хозяин в ней – мужчина.

– И тут ничего не изменилось, – уронив сумку на пол, сказал Дима, – Моя комната свободна?

– Да, конечно. Располагайся, а потом бегом на кухню. Я пока дрова в баню занесу.

Дима поднял сумку с пола и, особо не разглядывая дом, в котором не был почти год, прошел в свою комнату. Плюхнувшись на кровать, он сонно зевнул и попытался осознать, что поездка на поезде закончилась – его до сих пор шатало из стороны в сторону, как на резких поворотах. «Хоть от девушек немного отдохну, – нежась на мягкой постели, с облегчением подумал юноша, – От Ворот и от учебы».

Кушать ему не хотелось, но отец ждал его на кухне, поэтому юноше пришлось встать с кровати и идти к нему. На стол уже было накрыто. Отец, пока Дима был в пути, приготовил шашлык из баранины и купил в магазине две бутылки светлого пива.

– Одна для меня? – бросив косой взгляд на пиво, шутливо спросил юноша.

– Да, тебе же уже не шестнадцать, ты уже не школьник...

– Точно, но я как-то, знаешь, пока один жил совсем не пробовал даже...

– Вот и попробуешь! От одной бутылки ничего не будет.

Дима пожал плечами и присел за стол напротив Андрея Ивановича. В животе приятно заурчало, и юноша впился зубами в сочное мясо. Когда с первым куском шашлыка было покончено, он решил попробовать немного пива. «Ничего, почти как квас, – вздохнул он про себя, – Ничего страшного».

Но Андрей Иванович, наблюдая за его реакцией, не удержался и расплылся в любящей улыбке.

– Ну, как? – спросил он.

– Не так страшно, как я думал.

– Ха, конечно! А шашлык вкусный?

– Вкусный. Сам мясо мариновал?

– А как же? – отец обиделся, – Свежее мясо мне знакомый из города привез, а готовил я его сам.

– И всю еду тоже сам готовишь?

– Только пока здесь живу. В городе-то уже готовую еду можно купить, а в деревне все самому готовить приходится. Подожди немного, я сейчас приду.

Андрей Иванович встал из-за стола и вышел на улицу, оставив Диму одного. Юноша огляделся по сторонам. «Все строго, как в классицизме, – подумал он, – За год папа так и не нашел себе женщину».

Вскоре Андрей Иванович, держа в руках запечатанную двухлитровую банку с жидким красным содержимым, вернулся и сел обратно за стол.

– Вишневый сок, – сказал он, – Сам ягоды собирал.

– Неужели после мамы ты никого больше не нашел? – Дима сам не знал, почему задал такой вопрос, – Знаешь, женщина бы все это за тебя делала.

Отец сделал такое выражение лица, будто его молнией ударило. После ссоры с бывшей женой он пока не думал о том, чтобы вновь заводить отношения.

– Это, конечно, правильно, но пока нет, – сознался Андрей Иванович, – А сам-то как? Все так же?

Диме вопрос не понравился, и он лишь коротко бросил:

– Все так же.

– Святой Рыцарь, да?

– Ага.

Над накрытым столом повисло неловкое молчание. Оба, и отец, и сын хотели что-то сказать, но не решались заговорить первыми.

Дима опустил взгляд к полу, и через пару минут Андрей Иванович, изучивший феномен отчуждения от женщин вдоль и поперек, все же пересилил себя и нарушил едкое молчание, которое не давало ему даже пива нормально отхлебнуть.

– Если ты злишься из-за матери, то не надо, – сказал он строго, – Она была не лучшим примером женщины. В мире есть бесчисленное множество хороших женщин. Наверняка, и в твоей группе найдется парочка.

– Не в этом дело, папа, – при таких разговорах у Димы неприятно ныл живот, – Мама не виновата.

– Тебя обидел кто-то другой?

– Никто меня не обижал, – Дима вздохнул, – Знаешь, есть множество причин, но в то же время нет ни одной причины.

– Что?

– Я никогда не смогу объяснить тебе, почему я не желаю встречаться с девушками. Это сложно, и сейчас я понимаю, что шел к этому решению всю жизнь. Это так, будто ты всегда жил по одному своду правил или придерживался лишь одной религии, а потом вдруг изменил сам себе.

– То есть, ты хочешь сказать, что если полюбишь кого-нибудь, то перестанешь себя уважать? – непонимающе спросил Андрей Иванович.

– Я не это хотел сказать, но ты прав. Можешь считать это одной из причин.

Отец обреченно вздохнул. Вся информация об отрицающих любовные отношения с женщинами людях, о которых он читал в интернете и к которым причислял своего сына, не подходила под Диму, и в этом бою он остался безоружным, а юноша вышел победителем. Дима часто говорил ему, что поступок матери никак не влияет на его поведение, но отец не верил сыну и все беды сваливал на бывшую жену... чепуха о Святом Рыцаре его ничуть не впечатляла.

Андрей Иванович, после короткого спора с сыном, нисколько не думал, что хоть немного приблизился к разрешению проблемы, а Дима в очередной раз остался при собственном мнении.

– Да, как-то так, – юноша пожал плечами, – Я вот спросить хотел...

– Что? – отец заинтересовался.

– Помнишь, ты мне рассказывал про старичка какого-то, который в лесу живет и постоянно бредит о параллельных измерениях? Не смейся!

– Помню-помню, – еле отдышавшись, сказал Андрей Иванович, – Видел я его недавно.

– И где его можно найти?

– А он тебе зачем?

«Действительно, зачем? – задумался Дима, – Ну, может он знает что-то о Воротах... А вот отцу об этом говорить не надо. Он не поймет».

– Да так, – опутив взгляд, сказал юноша, – Знаешь, я на филологическом факультете учусь, пишу много разного. Его истории могут мне пригодиться.

Андрей Иванович улыбнулся. Когда-то давно он пытался написать роман, но текст получался не выразительным и кривым, поэтому художественное и выразительное писательское ремесло было заброшено им почти сразу же, как только началось. Вместо этого Андрей Иванович решил стать сценаристом.

– И что же ты пишешь? – поинтересовался он.

– По-разному, рассказы всякие, – Диме было неудобно лгать, но признаваться в том, что он пытается открыть загадочные Ворота ему никак не хотелось.

– Это просто замечательно, Дима! – Андрей Иванович похлопал сына по плечу, – Вот только живет этот старик далеко. Отсюда километров пятьдесят будет. Но на автобусе быстро доберешься.

– А ты меня не довезешь? – Дима удивился.

– Машина не заводится, прости.

Юноша ожидал чего-нибудь подобного. Как ему становилась нужна помощь, у отца сразу находились важные дела или случались обстоятельства, из-за которых он не мог помочь сыну.

– Ладно, тогда завтра на автобусе съезжу, – надув щеки, сказал Дима.

– Выйдешь на дорогу, поедешь на восток, потом доберешься до первой на пути деревни – там спросишь про старика.

– Будто квест какой даешь, – Дима улыбнулся.

– Да-да. Соберешь в лесу ягод и получишь за это пятьсот золотых монет.

– Увижу – соберу, а пока пойду спать. Устал немного.

Отец улыбнулся, а Дима встал из-за стола и прошел в свою комнату. Спать хотелось ужасно.

3. Цветочный сад

Сорокин Николай Федорович, пожилой человек, живущий в лесу недалеко от одной из деревень в Подмоскowie, всегда любил детей. Он любил их, а затем закапывал в своем шикарном цветочном саду, чтобы истерзанные тела удобряли кустарник и цветы, которые он обожал больше всего на свете.

Бывало, он выходил на крыльцо своего обветшалого домика, построенного из шатающихся бревен, и в нос сразу бил сладкий запах сирени или алой годеции, растущей рядом с домом. В такие моменты Николай Федорович понимал, что жизнь прекрасна, что ему не нужно забрасывать любимое дело, а для этого необходимо делать то, что говорит ему Бог. В один день, спустя неделю после смерти его уже пожилой жены, которая завещала ему ухаживать за небольшим садиком у окон их квартиры в городе, старик услышал голос, доносящийся из-за облаков. Голос говорил, что цветы будут жить дольше, если в жертву им принести познавших взрослую жизнь детей. Николай Федорович долго думал, как заставить своих жертв познать взрослую жизнь, и вскоре понимание, вместе со словами Бога, снизошло на него, объяснило все и указало на плодородную землю, на которой стоял заброшенный дом лесника, на место, в котором старику было суждено прожить часть оставшейся жизни.

У него был дом, но целые дни он проводил в дороге. Садясь в свой внедорожник, Николай Федорович выбирал случайное место на карте и отправлялся туда, чтобы получить удобрение для сада. «По всей России каждый день пропадает множество детей, – говорил ему Бог, – Если выбирать каждый раз разное место, то следствию будет сложно прийти к выводу, что всех их похищает один и тот же человек. Ты должен».

Николай Федорович и сам понимал, что должен удобрять свой сад. Бог обещал ему, что, если он будет следовать его указаниям, разрешит его телу попасть в новый мир, похожий на тот, в котором он живет, но отличающийся от него тем, что в нем все будет так, как захочет сам старик.

Иногда Николая Федоровича посещали мысли о бессмысленности всего происходящего, и сознание уносилось куда-то далеко, но Бог всегда возвращал его обратно. Он выбрал старика своим помощником, и не желал отпускать, а сам старик и не хотел пренебрегать правлением Бога над ним. Бог давал ему указаниям, а он их исполнял. Так Николай Федорович и прожил три года в лесу, в старом домике лесника.

Очередное утро разбудило его сильным ветром, проникающим в дом через дыры в стенах. Николай Федорович, почему-то чувствуя холод, поежился, прокашлялся и встал на ноги, чтобы начать новый день. Ложась спать, он планировал с утра уехать за ядом для насекомых в город, но неожиданный холод в доме заставил его остаться. Нужно было залатать дыры между бревнами паклей из сарая.

Старик оделся, спрятал серебряный крестик, висящий на груди, за кофту, поел и вышел из дома. На улице было тепло, но небо затягивали плотные тучи, угрожающие в любой момент намочить высохшую за последнее время землю дождем. «Это будет полезно моим цветочкам, – подумал старик, – Но опять весь потолок намокнет, и вода в дом будет капать. Нужно крышу залатать».

Жить в лесу было трудно, но Николай Федорович понимал, что это вынужденная мера. Закапывать детские тела под землю в городе или деревне, где полно людей, у него бы не получилось, а в лесу он делал это почти без опаски. Свидетелей, кроме зайцев, кротов и очень редких рыжих лисиц с волками у него не было...

Дима заметил, что забыл телефон дома только тогда, когда увидел, что автобус, на который он опоздал, мчится по дороге так далеко, что бежать за ним уже бесполезно.

– Черт! – воскликнул он, – Вот тяжело меня разбудить было?!

Проспав в уютной кровати слишком долго, Дима опоздал на автобус и решил уже идти домой за телефоном, как вдруг рядом с ним остановилась машина, старая, разваливающаяся от времени «десятка» серебристого цвета. За рулем сидел молодой мужчина в черных солнечных очках, а на заднем сиденье развалился, видимо, его брат – точная его копия. Оба они были одеты в не слишком яркую спортивную одежду и, казалось, были пьяны.

– Подвезти, паренек? – спросил водитель.

– Не плохо бы, – ответил Дима, – Сколько возьмете?

– Тебе куда?

– Точно не знаю, – юноша замялся, – До первой встречной деревни.

– Тогда сотку давай, нам хватит.

Дима сел в машину, отдал деньги, и сомнение в правильности выбора пришло к нему лишь, когда водитель дал газ. Машина тронулась, а Дима полностью оказался во власти двух пьяных бандитов.

– Зачем тебе в деревню, пацанчик? – спросил тот, что сидел на заднем сиденье.

– Ищу кое-кого.

– А сам откуда?

– Из Москвы.

– О! – дыхнул на него перегаром брат водителя, – Наш пацан! Чем занимаешься-то хоть?

– Учусь, – ответил Дима, – На филолога.

– Филолога? Это, типа, когда языки учат?

– Можно и так сказать. Русский язык, литературу...

– А ты, значит, интеллигент?

– Я бы так не сказал, – Дима начал нервничать.

Он засунул руки в карманы и сжал их в кулаки так сильно, что острые ногти впились в кожу. Несмотря на свой вид, драться он умел и вполне мог постоять за себя, но в тесной машине победить у него шансов не было. Человек на заднем сиденье мог бы схватить его за горло и задушить.

– А говоришь, как интеллигент, – сказал водитель, – Как правильно будет, «говоришь» или «разговариваешь»?

– Думаю, «разговариваешь», хотя и «говоришь», наверно, допустимо.

– Ну, точно интеллигент! – рассмеялся любитель узнавать, как нужно правильно разговаривать, – Как тебе наш попутчик, братан?

Брат, сидящий сзади, не ответил, только хмыкнул себе под нос.

– Позвонить нужно, – сказал он Диме, – Не одолжишь телефон?

– Телефон дома забыл.

– Точно?

– Да. Можете проверить карманы, если хотите.

На этот раз стандартная схема не сработала. На лицах обоих братьев появилось недоумение. Они не привыкли видеть, чтобы кто-нибудь забывал взять с собой настолько обыденную вещь, как телефон.

– Тогда бабки гони! – рявкнул водитель.

– У меня только четыреста рублей...

– Давай сюда!

У Димы не осталось выбора. Он достал из кармана бумажник и вытащил наружу четыре сторублевые купюры.

– А теперь выметайся!

– Но...

– Мы уже приехали. Выходи, филолог-интеллигент. Тьфу!

Дима сглотнул подступивший к горлу ком и, пытаясь сдержать дрожь в ногах, вышел из машины. Тут же он услышал противный визг колес, и «десятка» умчалась прочь от него.

Он оказался рядом с автобусной остановкой деревни, названия которой не знал. Знак, уведомляющий о приближении к населенному пункту, остался им не замеченным, но Диму название и не интересовало. Кое-как справившись с дрожью в коленях и пальцах, он двинулся к деревне, чтобы найти кого-нибудь, у кого можно спросить о старике, ведающем что-то о параллельных мирах.

Деревня была намного больше той, в которой стояла дача его отца, но выглядела гораздо старше и обветшалее. За все время, что Дима пробыл в ней, он увидел лишь три каменных дома, а остальные были построены из тяжелых бревен и, казалось, в любой момент могли развалиться. Дима заметил даже, что многие из них заброшены. Стекла окон таких домов были треснувшими или разбитыми, крыши неестественно сильно клонились в сторону, а в палисадниках росли не декоративные цветы, а обыкновенная трава и сорняки.

Начало июля выдалось необычайно жарким; солнце ярко светило в зените, деревья шумели своей ярко-зеленой листвой, грозовая туча шла со стороны леса, в который уходила протоптанная тропинка, и все жители деревни работали в своих огородах – окучивали картошку и пололи грядки от сорняков. На улице почти никого не было, поэтому Диме пришлось подойти к забору одного из домов и криком привлечь к себе внимание.

– Извините! – сказал он, когда мужчина, ведущий перед собой мотоблок, посмотрел на него, – Не найдете минутки со мной поговорить?

– Извини, но о Боге я все знаю, – донеслось ему в ответ.

– Что? – не понял Дима, – Ах, да! Я не из этих, у меня другой вопрос!

Мужчина заглушил двигатель мотоблока и усталым шагом подошел к забору. Фигура его была поникшей от усталости, но глаза выражали готовность говорить.

– Ну? – спросил он.

– Говорят, у вас тут какой-то сумасшедший живет, – начал объясняться Дима, – Что-то о параллельных мирах говорит...

– Да, есть такой, – вздохнул мужчина, – У тебя к нему дело?

– Я журналист, хочу статью о нем написать, – чтобы не появились лишние вопросы, нагло солгал юноша.

– Ох, не советую, – сказал мужчина и закурил сигарету, – Говорят, он сумасшедший? Правду говорят. Ударит еще тебя лопатой по голове и закопает потом в своем цветочном саду.

– Все настолько плохо?

– Не уверен, я его уже давно не видел...

– Тогда ничего страшного, – Дима попытался улыбнуться, – Можете сказать, как его найти?

– Раз тебе это надо... – вновь вздохнул мужчина, – Видишь, тропинка в лес уходит? Иди прямо по ней. Километра через два выйдешь к его жилищу. Думаю, до грозы успеешь.

– Спасибо, – юноша откланялся, – Я пошел.

– Иди-иди. Осторожнее только.

Дима сделал еще один поклон, из-за чего мужчина невольно смутился, и, пытаясь идти как можно быстрее, поспешил к тропинке. Солнце нестерпимо нагревало воздух, и во рту у него быстро пересохло, но, оставшись без единой копейки в кармане, он не мог купить себе даже самой дешевой воды в магазине, поэтому, когда попал в лес, не стал разглядывать окрест-

ности, как планировал раньше, и полностью сконцентрировался на пути, который ему предстояло преодолеть. Как правильно вести себя в лесу Дима знал, поэтому не боялся заблудиться. К тому же, не сворачивая с тропинки, он приравнивал свои шансы потеряться в лесу к нулю.

Идя по тропинке, запутано маневрирующей между густорастущими деревьями, он постоянно махал руками – отгонял от себя комаров и убирал с лица паутину, которая обильно было протянута между деревьями над тропинкой. Воздух стал душным, комары настойчиво лезли в глаза и рот, и коварная лесная подстилка скрывала под собой множество опасностей, но Дима был частым гостем в лесу, поэтому это все не доставляло ему больших проблем. Было лишь неудобно, и он с этим справлялся. Жизнь подставляла ему множество неудобств, и с годами он научился не обращать на них особого внимания.

Вдруг небо над ним озарила яркая вспышка молнии. Гром не заставил себя долго ждать и поднял в воздух с деревьев множество черных птиц, создавших такой шум, что эхо грома сразу утонуло в нем. Дима выругался и бегом кинулся вперед по тропинке. Лес вокруг него превратился в сплошную зеленую массу, и Дима вполне мог случайно врезаться в дерево, но уже через пару минут вылетел на обширную лесную поляну, в центре которой стоял ветхий дом, окруженный со всех сторон разноцветным цветочным садом, безумно колыхающимся под потоками сильного ветра.

В саду росло самое огромное разнообразие цветов, которое Дима когда-либо видел. Одни цветы держались ближе к земле, а другие возвышались высоко над ней, и во всем этом безумном многообразии не было видно ни одной капельки смысла. Цветы были посажены хаотично, без единого намека на порядок.

Диму расположение цветов не сильно интересовало. Старик, которого он искал, как раз, хромая на правую ногу, заходил в дом. Дима, увидев его, сразу отметил, что старик немного не в себе: летом на нем был надет длинный кожаный плащ, опускающийся почти до самой земли; длинные седые волосы блестели, будто старик вымазал их гелем, а на ногах красовались доходящие до пояса болотные сапоги, сухие, не использованные по назначению. Больше деталей Дима рассмотреть не успел – дедушка скрылся за захлопнувшейся дверью.

Юноша, войдя в цветочный сад, чуть не задохнулся от резкого запаха цветов, которых кругом росло столько, что любой профессиональный садовод позавидовал бы, и сразу направился к дому. Туча была уже над самой его головой, но дождем на землю пока не обрушивалась, хотя угрожала сделать это в любой момент. Не желая попасть под дождь, Дима за считанные секунды пересек сад и оказался у двери. Стуча в нее, он долго не получал ответа, но отчетливо видел, как старик смотрит на него из-за занавески на окне. Было видно, что он бурно переваривает полученную зрительную информацию и думает, впустить ли незнакомца в дом или оставить на улице в грозу.

Дима делал вид, что не замечает его, и, когда первые капли дождя оросили сухую землю, старик открыл дверь и кивком дал понять, чтобы он вошел внутрь.

– Здравствуйте, – сказал Дима, – Извините, конечно, что беспокою...

– Ничего, – старик грубо прервал его, – Гости у меня редко бывают, даже поговорить не с кем. Входи, садись за стол, разговаривать будем.

Его голос будто бы и не ему принадлежал. По морщинам на лице, по бороде, по седым волосам, сгорбленной спине, дрожащим ногам, прилипшей к костям коже и помутневшему взгляду Дима навскидку определил, что ему не меньше восьмидесяти лет. Но голос принадлежал не этому дряхлому старику, а здоровому сорокалетнему мужчине с ясным голосом, таким, словно он никогда не брал в рот ни единой сигареты.

– Чего глаза-то раскрыл? – устало спросил старик, – Тоже из-за голоса удивляешься? Сколько, думаешь, мне лет?

– Восемьдесят? – осторожно предположил Дима.

– На самом деле, я перестал считать, когда мне перевалило за сто пятьдесят, – рассмеялся дедушка, заставив Димино удивление подскочить до грани, – Садись за стол, я сейчас приду.

Сняв свой кожаный плащ и повесив его на вешалку возле двери, он скрылся на кухне, но вскоре оттуда донеслось:

– Лучше иди сюда. Я не привык есть в гостинной.

Успокаивая себя мыслями о том, что старик просто немного не в себе и поэтому говорит разную ерунду, Дима, рассматривая заботливо прибранную гостиную и протертые от пыли иконы на деревянных дощечках, стоящих на полочке в углу, послушно проследовал на кухню, в которой затем кивком был приглашен присесть за стол. Старик достал из шкафа, прибитого к стене, бутылку с мутным содержимым, два алюминиевых стакана, банку с солеными огурцами и кусок бледного шпика, покрытого красным перцем.

– Самогон будешь? – спросил он.

– Буду, – понимая, что так ему легче будет узнать от старика ответы на мучающие его вопросы, ответил Дима, – Но много не надо. У меня сегодня еще полно дел.

– Да, у меня тоже, но один стакан, думаю, не повредит никому.

Дима кивнул, а старик сел за стол напротив него. Он откупорил бутылку, поводит горлышком около носа и до середины наполнил стаканы самогом. Банка с огурцами уже была открыта, а шпик – нарезан.

– Выпьешь залпом – буду тебя уважать, – улыбнувшись, сказал дедушка.

«А так делается? – с ужасом подумал Дима, – Приехал домой, а меня тут спаивают...»

Однако он сделал так, как попросил старик, и тут же пожалел об этом. Самогон больно обжег горло, из глаз выступили слезы, а из уст донесся полный боли стон.

– Уважаю, – удовлетворенно произнес старик, – Рассказывай теперь.

– Что рассказывать? – пытаюсь справиться со жжением в горле, недоуменно спросил Дима.

– Как зовут? Что делаешь? Откуда?

– Дима я. С Москвы.

– А фамилия? По отцу как?

– Хандорин Дмитрий Андреевич.

– Хандорин? – старик задумался, – Знал я одного Хандорина. Боевой товарищ мой. В одном отряде мы служили. Когда же это было?

– Мой дедушка воевал в Афганистане, – сделал предположение Дима.

– Сергеем звали?

Дима, погрузнев, кивнул. Раньше отец часто рассказывал ему истории о своем «бате-герое», который, добровольно отправившись на войну, трагически погиб в Афганистане, когда Андрею Ивановичу было всего два годика. Димин отец тогда был еще совсем ребенком, но это не мешало ему в будущем рассказывать об отце так, будто он знал его всю свою жизнь.

– Крепкий был мужик, – старик вздохнул, – Целый час умирал. Кишки наружу, весь осколками изрезан, кровь хлещет из ран, а умирать отказывается. Окружили нас тогда враги. Со всех сторон наваливались, а нас всего десять было. Шестеро полегли тогда. Твой дедушка в их числе, гранатой его убило. Помню его последние слова: «Ты не умирай, Коля. Ладно?» Господи, а ведь он погиб у меня на руках! Я оттаскивал его в укрытие, а рядом с головой пули свистели. Помню, длинный такой кровавый след оставался за твоим дедом, а он ни стонал, ни кричал. Только эти его последние слова тогда услышала земля, покрытая кровью.

– Граната? – удивленно спросил Дима, – Мой отец говорил, что дедушку убило лопастью подбитого вертолета.

– И кому ты веришь? Знай, я там был, видел его смерть.

– Вам, наверно.

– Да, но не будем об этом, – старик оживился, – Я же не представился еще. Николай Федорович. Человек военный, стараюсь не пропускать ни одного военного конфликта. Первым моим боем, помню, был бой в лесу холодной осенью 1812 года. ... а потом убивал еще турок, воевал в Первой Мировой войне, сражался за большевиков на нашей родине, убивал немцев, американцев в редких стычках в Холодной Войне, позже – моджахедов в Афганистане, еще позже – чеченцев...

Дима пожал протянутую ему руку и присел обратно на стул.

– Приятно познакомиться, – сказал он, – Знаете, я, ведь, к вам по делу пришел.

– Да? – по дрогнувшему голосу старика Дима легко определил, что таких слов он не ожидал, – Не по поводу моего цветочного сада?

– Он просто замечателен, но нет, – Дима успокоил его, – Не обижайтесь, но про вас разные слухи в округе ходят.

– Я сумасшедший, двинутый, поехавший, наркоман, психопат и так далее? – Николай Федорович хохотнул, – Может быть, но тебе-то что? Да, было время, я говорил о том, о чем не нужно было, но все это в прошлом!

– Не подумайте, я не считаю вас сумасшедшим, – Дима загадочно улыбнулся.

Он сделал небольшую паузу, чтобы произвести на старика наилучшее впечатление, и затем с такой же загадочностью произнес:

– Я сам побывал в месте, о котором вы говорили.

Старик в этот момент подносил ко рту кусочек шпика, но, услышав неожиданное заявление, так и замер с открытым ртом. «Если бы сейчас гром прогремел, еще лучше бы получилось», – улыбнулся про себя Дима, заметив, что с того момента, как он вошел в дом, гром доносился только издали, а шум дождя исчез уже через несколько минут после того, как старик угостил его самогоном.

– Не может быть! – встав на ноги, неожиданно закричал Николай Федорович, – Как это возможно?! Бог и с тобой говорит?

– Нет, – неуверенно ответил Дима.

– Но откуда тогда ты знаешь, как туда попасть? Откуда знаешь про место, в котором можно это сделать?

Дима никогда об этом не задумывался. Он просто знал о Латине и подвале с Воротами с самого рождения и ни разу не задавал себе вопросов об этой загадочной информации, заложенной в него еще в детстве. Информация эта была для него чем-то вроде обыкновенных человеческих инстинктов, знаний.

– Я не знаю, – почувствовав, что во рту у него пересохло, выдавил Дима, – Город Латин. Вы о нем когда-нибудь слышали?

– Никогда, – голос Николая Федоровича задрожал, – Латин? Где он? Не говори, я сам узнаю.

– Как? – задал Дима вполне очевидный вопрос.

– Бог мне расскажет, я знаю, сегодня. Спасибо, юноша. Дима, да?

– Постойте, постойте! – Дима повысил голос, – Вы что-нибудь знаете об этом? Знаете что-нибудь про Ворота?

– Ворота? – Николай Федорович, казалось, готов разорваться из-за счастья, переполняющего его, – Да-да, Ворота! Их надо открыть!

– Как? – повторил юноша недавний вопрос.

– А ты должен сам это узнать! А мне расскажет Бог!

– Понятно, – недоверчиво протянул Дима, – Значит, вы мне не помощник?

– Нет, не помощник! У каждого из нас свой путь. В какой-то момент наши пути должны были пересечься, но только пересечься, а не превращаться в единый. Все, нам больше не о чем говорить. Я тебе больше ничего не скажу. Понял? Латин, Латин...

Не сильно удивившись такой перемене настроения Николая Федоровича, Дима пожал плечами. Разочарования в нем у юноши не было. Ничего особенно важного от старика он и не ожидал услышать.

– Ладно, я тогда пойду, – потеряв к дедушке всякий интерес, сказал Дима.

– Стой, – Николай Федорович остановил его у самых дверей, – Бог сказал мне, что тебя ограбили. Денег у тебя на обратный путь нет.

– А, ведь, точно! Но...

– Не задавай лишних вопросов, – грубо сказал старик, – Знай лишь, что когда-нибудь мы еще встретимся. Возьми вот.

Он достал из кармана несколько монет и протянул их Диме.

– Подождите...

– Бери и уходи отсюда, – решительно приказал Николай Федорович, – Иначе ударю тебя лопатой по голове и закопаю в своем саду, как удобрение для цветов.

На Диму его угроза подействовала, и уже через десять секунд можно было видеть, как он спешно покидает земли Николая Федоровича, который любезно поделился с ним своими деньгами. «Станный он, – подумал Дима, – И вправду, сумасшедший. Но ничего. Скорее всего, теперь он отправится в Латин... там и найду его. Постараюсь сделать так, чтобы он мне помог».

Грозовая туча, лишь немного поделившаяся с сухой землей своей живительной влагой, каким-то чудом обошла Диму и проливалась дождем примерно там, где стояла деревня. Юноша шел прямо на нее, но промочить одежду для него было меньшим злом, одно из которых – навсегда быть погребенным под цветочным садом безумного старика.

4. Призраки цветочного сада

Гроза не оставила после себя характерной для нее свежести, и воздух стал еще более душным, а автобус, на котором ехал Дима, из обыкновенного общественного транспорта превратился в кипящий котел с маслом. Было так жарко и душно, что Дима обливался потом, словно находился в горячей бане, но, к счастью, долго ехать ему не пришлось, и вскоре, подставляя себя потокам теплого, но, все же, освежающего воздуха, он покинул раскаленный автобус и спешно добрался до отцовской дачи, где вдоволь напился холодной воды из крана.

– И жарко, и душно, и кушать охота! – пожаловался Андрей Иванович, наблюдающий за ворвавшимся на кухню сыном, – Нашел старика?

– Да, нашел! – донеслось с кухни, – Его зовут Николай Федорович и он твоего отца знал. Воевали вместе. Только ты к нему не ходи. Многого он тебе не расскажет, и, вообще, в ближайшее время, возможно, уедет.

– Уедет? Куда?

– Да куда угодно! – не собираясь рассказывать отцу о Латине, ответил Дима, – С головой у него точно не все в порядке. Говорили мне, чтоб я не ходил к нему, а я пошел. Зря только время потерял.

– Не расстраивайся, бывает, – сделав голос серьезным, сказал Андрей Иванович, – Иди-ка сюда, Дима. Кое-что сказать нужно.

Дима, протирая лицо сухим полотенцем, замер из-за такой неожиданности. Если Андрей Иванович, обычно добрый и заботливый, начинал говорить таким голосом, то случалось что-то плохое. В последний раз он говорил так, когда собирался сообщить Диме об уходе от них его матери.

– Да? – спросил он, пройдя в гостиную.

– Ты телефон забыл дома.

– Не такая уж и серьезная оплошность.

– А дело и не в этом, – голос Андрея Ивановича стал слегка мягче, – Твоя девушка звонила.

Мир перевернулся, провертелся вокруг центра сознания с безумной скоростью и резко остановился, а Дима, пытаясь не провалиться в пучину стыда и непонимания в этом наступившем безумии, изобразил на лице недоумевающую улыбку. Перечисляя про себя всех девушек, которым он мог дать номер своего телефона, он не вспоминал ни одну, хотя обрывки недавних воспоминаний маячили на переднем фоне общей памяти. Дима думал, но обрывочные воспоминания никак не собирались в единую картину, и юноша, судорожно размышляя, даже представить был не в состоянии, от кого мог поступить звонок. Он собрал в единую кучу всех девушек, наиболее близко с них познакомившихся: Юлю Панкову, Алису...

– Красивое имя у твоей девушки, – отец прервал его размышления, – Алиса.

– Алиса? – Дима с облегчением вздохнул, – Точно, я давал ей свой номер, когда мы общий проект делали. Но спешу разочаровать, она не моя девушка. Наверняка, ей что-то нужно. Да?

– Как это, не твоя девушка? – Андрей Иванович удивился, – Мне именно так показалось.

– Мы часто воспринимаем ложную информацию так, как сами того желаем.

– Неужели? Раз так, то ладно.

– А что нужно-то было Алисе?

– Да так, ничего... Завтра она придет.

– Что?! – спросил Дима в надежде, что ослышался, – Алиса к нам придет?

– Так она сказала.

– Но зачем?

– У нее родственники где-то тут живут. Родители к ним едут, а она, несмотря на это, пожелала быть с тобой. Вот я и подумал...

В течение нескольких секунд Дима не мог выдавить из себя ни одного слова, но потом сказал:

– Да... Это что за шаблон из аниме такой?!

– Не знаю, что там с твоими китайскими мультиками, но мне так сказала сама Алиса.

Дима, все еще отказываясь поверить в услышанное отцом объявление, беспомощно упал на диван и вздохнул с огромнейшим разочарованием. Чувствуя, что в глазах Андрея Ивановича он потерял всю нажитую за долгое время гордость и упорство, он закрыл глаза и попытался представить, что же Алисе могло от него понадобиться.

– Вижу, ты не очень этому рад, – задумчиво сказал Андрей Иванович, – Как я понял, встречать на станции ты ее не собираешься?

Дима отрицательно помотал головой.

– А если она сядет не в ту электричку? Уедет в неизвестность и заблудится... Что делать будем? Эх, ладно, буду встречать ее сам. Чего только не сделаешь ради девушки родного сына...

Сказав это, Андрей Иванович ехидно улыбнулся и, подумав немного, вышел на улицу, оставив Диму одного размышлять над таким неожиданным решением Алисы.

Обстоятельства для девушки складывались как нельзя хорошо: родители близко, столица близко, знакомый человек, который готов помочь в случае чего близко... Отличная возможность выбраться из захолустного городка и повидать что-нибудь новое, интересное. «Но проводником в незнакомом месте могу быть не обязательно я, – стал размышлять Дима, – Она же к родственникам едет, а их она, наверняка, хорошо знает, лучше, чем меня. Конечно, ясно, что причина – это я, но она же знает...»

– Точно же! – не замечая, что перешел на мысли вслух, воскликнул Дима, – Я догадывался, что она влюблена в меня, но настолько...

Ответом ему был радостный смех отца с улицы.

– Помнишь, еще в школе ты гулял с одной девочкой? – спросил он, подойдя к окну, – Ну, она с тобой гуляла.

– Не помню, – солгал Дима.

– Да? Хотел тебе поучительную историю рассказать, но что теперь поделывать...

Дима считал то время, когда дал слабинку и позволил существу противоположного пола, однокласснице, встретиться с ним, самой темной страницей в истории своей жизни. Тогда ему было пятнадцать лет, а ей – четырнадцать. Вся любовная сказка выглядела до абсурда смешной, глупой и непонятной, но это были настоящие близкие отношения между парнем и девушкой. Как помнил сам Дима, никакой активности он тогда не проявлял, и вся ответственность за детскую любовь лежала на его девочке, имя которой он безжалостно вычеркнул из своих воспоминаний и забыл всего за четыре года. Тогда он еще не знал, что нужно делать, чтобы стать Святым Рыцарем, и не мог внятно объяснить ей, почему не желает встречаться с девочками. Девушка не могла его понять, а общественность, выступающая в лице одноклассников, жутко критиковала его и осуждала в том, что он просто боится девушек, хотя Дима никогда не чувствовал себя зажатым, взаимодействуя с ними. Но давление подействовало, и он решил попробовать поддаться неумелому прилипанию к нему его одноклассницы, что позже полностью убедило его в том, что жизнь без любовных отношений – это лучший жизненный выбор. За девушкой нужно было ухаживать, делать ей комплименты, дарить подарки и говорить правильные слова, чтобы она не обиделась, а Диме это казалось в наибольшей степени затратным и ненужным, поэтому все закончилось тем, что он жестоко оборвал с девушкой все связи, из-за чего она обиделась и перевелась учиться в другую школу. Уже потом юноша понял, что это был важный жизненный урок и что если он когда-нибудь решится на отношения, то должен будет

выбрать девушку, которая будет являться для него наиболее подходящей, правильной в его собственном понимании. Тогда, будучи уже в почти осознанном взрослом возрасте, главным критерием он поставил наибольшую приближенность характера девушки к своему характеру.

Глупые воспоминания вызвали на его лице невольную улыбку. С тех пор Дима изменился, очерствел и уже точно знал, что никогда не позволит себе полюбить, хотя сам не до конца осознавал, почему. Лишь иногда он думал, что переходный возраст прошел для него как-то не правильно, не совсем так, как для других юношей, ведь многие в детстве тоже были против девочек, но с взрослением изменились. Дима же, со своими оправданиями, необходимыми только для него самого, остался прежним.

Иногда он считал себя несчастным человеком; несчастья случались, но Дима не придавал им отрицательного значения. «Раз уж сейчас плохо, то в будущем обязательно будет хорошо, – думал он, – А пока, чтобы будущее было действительно хорошим, нужно мириться со всеми неприятностями». И Дима мирился, всей душой веря в придуманное самим собой высказывание, которое уже долгие годы взросло вместе с ним и обрастало новыми значениями. Иногда оно влияло на него в своем прямом смысле, а в другое время, в разных обстоятельствах, воспринималось совсем по-иному. Редко когда случалось, что он был вынужден воспринимать высказывание так, как оно непосредственно звучит, но к неприятностям, связанным с внезапным объявлением Алисы, Дима подставил именно его прямое значение. Он решил для себя, что смиренно перетерпит ее пребывание рядом с собой, а в будущем, когда понадобится помощь, обязательно напомнит ей об этом, и она будет вынуждена ему помочь....

Сразу выкинув все подобные коварные мысли из головы, Дима встал с дивана и вышел на улицу – отец окучивал картофель, и ему нужна была помощь.

– Помочь, пап? – спросил он.

Вдоль забора, огораживающего территорию дома Андрея Ивановича, росло пять деревьев черемухи, громко шелестящей под обильными потоками сильного ветра, гонящего к деревне новую грозовую тучу, поэтому отец его не услышал, и пришлось Диме самому искать тяпку для окучивания. Как он помнил, все инструменты отец держал в сарае, который стоял рядом с парником, в котором выращивались огурцы. Тяпки оказались там же, и Дима, взяв одну, поспешил к отцу на помощь.

Огород, по которому он шел, выглядел богато. На аккуратно окученных грядках росла капуста, чуть дальше – редис с луком, а большая часть огорода была занята картофелем, которым и занимался Андрей Иванович. Еще год назад на этой земле был посажен только лук с огурцами, но в последнее время отец Димы всего себя отдавал деревенской жизни. Уже несколько недель он планировал перебраться жить на дачу навсегда и, не бросая свою основную работу, ухаживать за ней, ведь в столице, после того, как Дима уехал учиться в другой город, его больше ничего не держало. Он работал сценаристом в одной постепенно набирающей популярность студии по съемке сериалов и сценарии для новых серий мог писать там, где хотел.

Хоть его совместные проекты с режиссером, который приходился ему хорошим другом, не набирали огромной популярности, деньги работа приносила хорошие. Андрей Иванович спокойно мог покупать себе все, что пожелает, и одновременно кормить сына и обеспечивать его жильем. С тех пор, как от него ушла жена, денег стало больше, и отец-одиночка в плане финансов ни на что не жаловался.

По этой причине он решил обзавестись загородным домом, и жизнь в деревне показалось ему настолько интересной, что в город возвращаться ему совсем не хотелось.

– О, Дима! – радостно сказал он, когда увидел, что сын идет к нему с тяпкой в руках, – Помочь решил?

– Делать нечего, – Дима улыбнулся, – Ты в одиночку все это посадил?

– Дядя твой помог. Он иногда приезжает, и мы вместе работаем.

- Он, ведь, знает, что я дома?
- Знает, конечно. Обещал приехать.
- Было бы хорошо, – Дима вздохнул, – Ну, за работу!

Все время до самого вечера он пробыл в огороде, усердно работая при этом тяпкой. Отец рассказывал ему, как прошел год, пока сына не было дома, а Дима ведал ему о ВУЗе, в котором учился, о планах на будущее и о странном старике из леса, о Николае Федоровиче. К концу дня его мышцы неприятно ныли, глаза закрывались, а ноги подкашивались, поэтому, не желая даже ужинать, Дима сразу пошел купаться на пруд, после чего вернулся в свою комнату и почти моментально уснул.

Грозовые тучи собирались в небе над деревней с самого полудня, но буря началась только ночью, когда все уже спали, поэтому ее никто не заметил.

Утром поднялся густой туман. Дима еще спал, а Андрей Иванович уже собирался в путь до ближайшей станции, чтобы встретить на ней Алису. Эта девушка была важна для него, она дала ему шанс на веру в то, что его сын еще может исправиться.

Дима проснулся от звука работающего мотора отцовского автомобиля. «Конечно, – была первая его мысль, – Когда меня надо было отвезти к старику, машина не работала, а для Алисы каким-то чудом вдруг починилась! Да уж, папа!»

Вскоре шум мотора утонул в тумане, а Дима, переживая из-за предстоящей встречи, заснуть уже не сумел. Посмотрев в окно на улицу, он увидел, что дорога размокла, но отец каким-то чудом справился с плохими дорожными условиями и благополучно выехал на асфальт, который был проложен в пятидесяти метрах от их дома.

Часы показывали полседьмого утра, но спать Диме уже не хотел.

– Когда учеба идет, надо бы так, – улыбнувшись, сказал он про себя.

Погруженной в полную тишину, нарушаемую лишь жуткими, но вполне обычными скрипами деревенского дома, Дима лег на кровать и устался в окно. Примерно на расстоянии вытянутой руки из-за тумана уже сложно было что-либо разглядеть; туман клочьями плавал над землей и создавал из себя причудливые фигуры, из-за которых Диме становилось немного страшновато и неуютно. Стоило ему подумать о чем-нибудь неприятном, как туман тут же приобретал форму воображаемых объектов, которые затем медленно плыли к окну, после чего рассеивались, уступая место новым фигурам.

Дима, наблюдая за туманом, вдруг вспомнил, что отец говорил ему, что нужно приготовить еду к приезду Алисы. Он говорил что-то о продуктах, которые должны быть на кухне, о духовой печи и еще о чем-то, что Дима из-за усталости запомнить не сумел. Пришлось юноше подняться на ноги и начать думать о еде.

Отправившись на кухню, он заметил, что на столе лежит записка. Была она от отца, и на ней широким подчерком черной ручкой было написано: «Приготовь пиццу, две штуки. Все нужные продукты в холодильнике. И постарайся! Для девушки делаешь!»

Дима обреченно вздохнул и заглянул в холодильник. Тесто, кетчуп, майонез, сыр и колбаса лежали в одном пакете на серединной полке.

В приготовлении пиццы ничего сложного не было, поэтому Дима по-быстрому раскатал две заготовки, намазал их майонезом с кетчупом, нарезал колбасу, накрошил на все это сыр и положил две еще неготовые пиццы в духовку. В отцовской духовой печи пицца пеклась примерно час, и это время нужно было чем-то занять. «Пицца будет готова тогда, когда папа с Алисой приедут, – подумал Дима, – А пока телевизор посмотрю».

Включив телевизор, по которому показывали программу о здоровье, он сел на диван и стал ждать. На столике рядом с ним в стеклянной тарелочке покоился соленый арахис,

и лежали оставшиеся после поездки на автобусе деньги, которые раньше принадлежали Николаю Федоровичу. Дима смотрел на них и размышлял о странности их получения. Николай Федорович неизвестно откуда узнал, что Диму ограбили, и даже предложил ему денег, чтобы проехать на автобусе. «Может, старик управляет подобными представителями течения гоп-стоп и потом собирает с них прибыль? – ошарашено подумал юноша, – Да, конечно, Николай Федорович – криминальный бандит. Но как же он, все-таки, узнал? Может...»

За его спиной раздался неприятный металлический звук. Дима вздрогнул, обернулся и увидел, что кочерга, висящая на стене у печи, непонятным образом соскользнула с гвоздика, на котором мирно покоилась, и отлетела от печи на довольно приличное расстояние. Поежившись от внезапного приступа страха, юноша подошел к ней и повесил обратно на гвоздик, в какой-то степени уже понимая, что это бесполезно. Просто так кочерга не смогла бы отлететь от стены, на которой висела, так далеко.

Мысли о таинственном Николае Федоровиче мгновенно заполнили все его сознание, и Дима испугано вжался в спинку дивана. По телевизору показывали всю ту же программу о здоровье, на кухне в духовке запекалась пицца, приятный аромат которой постепенно распространялся по всему дому, и за окном все так же плавал непроглядный туман. В какой-то момент Дима решил покинуть дом и подождать отца с Алисой на улице, но перспектива оказаться в густом тумане, который может хранить в себе еще больше непостижимых странностей, совсем не прельщала юношу, и он остался дома, а вместе с ним – мысли о призраках, демонах и о Николае Федоровиче.

– Старик, возможно, и не сумасшедший даже, – сказал Дима, чтобы успокоить себя, – Он просто видит то, что простым людям непостижимо. И, ведь, я тоже... Ворота...

Как он и ожидал, кочерга вновь соскользнула с гвоздика и упала в то же самое место, что и раньше. Возвращать обратно Дима ее не стал. Он знал, что она будет падать раз за разом, пока не произойдет что-нибудь еще более странное, поэтому сильнее вжался в спинку дивана и все свое внимание переключил на телевизор, который объяснял, как нужно правильно лечиться при насморке.

– Отче наш, сущий на небесах, – прошептал Дима, – Да святится имя твое...

Он слышал от Алисы, которая всегда интересовалась потусторонним миром, что нечисть не очень любит эту молитву. Из-за этого он и выучил ее, пока пытался проникнуть в коридор с Воротами, за которыми вполне могло скрываться что-нибудь нечистое. Молитва «Отче наш» глубоко въелась в его память и не желала покидать ее пределы, ведь Дима и не старался забыть ее. Он знал, что когда-нибудь эта простенькая молитва может ему пригодиться.

– ...да будет воля Твоя...

Нечто, что два раза отшвырнуло кочергу от печи, моментально отреагировало на молитву. Юноша услышал, как кочерга подпрыгнула и ударилась сначала об потолок, а потом – об пол, и чуть не взвизгнул от страха, как вдруг за его спиной прозвучал радостный детский смех. Сопровождаемый глухим стуком ног в кроссовках об пол, он рассеялся в стороне прихожей. Дима как можно сильнее сжал челюсти, чтобы не закричать, и почувствовал, что не может пошевелить ни руками, ни ногами. Первобытный страх сковал его тело, а источник детского топота и смеха открыл дверь, вышел на улицу и, разводя в стороны туман, промчался рядом с окном.

Дима успел отчетливо разглядеть в этом призраке фигуру маленького мальчика, примерно, десяти лет. Его испуганные глаза, казалось, смотрели прямо на Диму, но ничего потустороннего юноша в них увидеть не сумел. Это были обыкновенные голубые глаза обыкновенного десятилетнего мальчика... Только они светились первозданным ужасом, будто мальчик увидел свою собственную смерть.

– Стой, паршивец! – закричал Дима, когда оцепенение прошло, – Стой, говорю! Напугал меня!

Выбежав на улицу и пробежав немного вслед за мальчиком, он остановился. Страх вновь сковал его тело, а до ушей донесся монотонный звук расщепления острой лопатой земли. Его источник Дима определить не сумел: за пеленой понемногу рассеивающегося тумана, обнажающего жуткие очертания ближайших домов и раскидистых крон деревьев, определить, откуда идет звук, было почти невозможно.

Но, преодолев набежавший страх, Дима вскоре двинулся вперед и почти сразу уперся в высокий соседский забор, за которым разглядел мужчину, лопатой раскидывающего в стороны сырые комья земли. У его ног на траве лежала простыня, покрытая красными пятнами и скрывающая под собой мертвое тело крупного домашнего животного. Рядом с лопатой в землю был воткнут небольшой деревянный крест, сколоченный из двух толстых веток.

– Здравствуйте, – осторожно поздоровался Дима, когда мужчина заметил его, – Вы тут мальчика маленького не видели?

– Нет, – грустно ответил мужчина, – Эх, Дима, знал бы ты...

Дима почувствовал каплю стыда за то, что не знает имени своего собеседника, но вежливо поинтересовался:

– А что случилось?

– Волки, – мужчина вздохнул, – Слишком их много в окрестностях развелось, а мой пес всегда любил по лесам погулять.

Он кивком указал на окровавленную простыню.

– Это волки сделали? – удивленно спросил Дима.

– Да. Хороший пес у меня был. Овчарка, немецкая. Не вернулся вчера вечером домой, а утром я его на пороге дома нашел уже мертвым. Весь искусан и изрезан острыми когтями. Похоронить надо, пока дети не увидели...

– Понимаю, – сочувственно сказал Дима, – Соболезную, но мне нужно идти.

– Мальчика я не видел, – повторил мужчина, – Да сейчас все спят еще.

«Да сейчас все спят еще, – подумал юноша, – В таком тумане я никого не найду. Нужно возвращаться».

Выразив соболезнование соседу еще раз, Дима пошел обратно к дому. Страшные мысли тревожили рассудок, и хотя он и был уверен, что ни с чем сверхъестественным мальчик, напугавший его, не связан, возвращаться внутрь дома ему было страшно. Ни с чем подобным он раньше еще не сталкивался, и не знал, что нужно делать, как нужно себя вести. Лишь коротенькая молитва «Отче наш» спасала его от окончательной паники. Ее он и нашептывал себе под нос, подходя к дому.

Туман, с тех пор, как Дима вышел на улицу, стал еще более прозрачным, и основная его бледность лежала ближе к земле: солнце, выглянувшие из-за верхушек высоких деревьев леса, громоздко стоящего вплотную к деревне, безжалостно высушивало его. Утренние птицы уже около часа поливали округу своими веселыми песенками, а туман все рассеивался и рассеивался, оставаясь плотным только рядом с прудом, на котором уже рыбачили три рыбака. Дима, не желая видеть отцовский дом, смотрел, как они ритмично вытаскивают из воды рыбу и пытался вести счет. Побеждал рыбак, стоящий на мосту, который соединял два берега пруда, а на втором месте расположился паренек, спрятавшийся в колючих зарослях можжевельника, растущего вдоль всего правого берега.

Когда паренек с удочкой заметил, что за ним следят, Дима тут же отвернулся, и его взгляд, вновь заставив юношу замереть от страха и паники, пал на окно, за которым виднелась его комната. На кровати спокойно сидел тот самый мальчик, которого он недавно хотел поймать. Дима пристально смотрел на него, а призрак, не замечая этого, встал с кровати и прошел в гостиную. Целых пять минут он себя никак не проявлял, и Дима решил уже, что ему просто показалось, как вдруг из дома послышался истошный детский крик. Мальчик кричал так, будто кто-то причиняет ему боль. «Нужно помочь, – вспыхнуло у Димы в голове, – Но...»

Он так и остался стоять на улице перед домом, а мальчик все кричал и кричал. Когда его крик на нотке кровавого бульканья, наконец, прервался, в окне гостиной мелькнула спина взрослого мужчины, облаченного в разорванную местами куртку, и сразу скрылась из видимости за стеной дома. Дима смотрел в окно и не мог поверить своим собственным глазам. Он, чувствуя, что не может больше стоять на ногах, в бессилии повалился на сырую после дождя землю и сосредоточил все свое сознание на том, чтобы не зареветь от ужаса. Только что в его доме некто убил маленького мальчика, а сам он с этим ничего не смог поделать.

Телефон находился внутри, а заходить в дом Дима никак не желал. Он понимал, что нужно позвонить в полицию, но обращаться с подобной просьбой к посторонним людям ему тоже не хотелось, поэтому, поднявшись с земли на ноги, он решил, что будет ждать приезда отца, который обещал, что долго отсутствовать не будет.

Долго его дома, действительно, не было. Уже через двадцать минут Дима услышал знакомый звук приближающегося отцовского автомобиля, и еще через некоторое время он выехал из-за поворота и остановился рядом с домом.

Увидев бледного, словно бумага, сына, Андрей Иванович в мгновение ока заглушил мотор и бросился к нему, оставив Алису с ее тяжелой сумкой сидеть в машине. Девушка, по случаю приезда в деревню надевшая на себя белую футболку, в несколько размеров превышающую размер ее обыкновенной одежды, и бриджи, опущенные до коленей, подумала немного и вскоре тоже вышла наружу, во всей своей красе представ перед Димой, живо описывающим отцу случившееся происшествие. Лицо Андрея Ивановича становилось все серьезнее с каждой секундой, и в конце рассказа он выдал:

– Ждите здесь, а я пойду, проверю.

Алиса, поражаясь странной истории Димы, стояла в сторонке, не зная, что делать. С одной стороны ей было интересно, и она рвалась войти в дом вместе с Андреем Ивановичем, ведь знала, что призраки обычно не причиняют вреда людям, а с другой – возможность того, что в доме произошло реальное убийство, держала ее на месте. Усиленно размышляя о правильном выборе, Алиса смотрела то на Диму, который не проронил ни слова в ее сторону, то на дом, в который вошел Андрей Иванович.

«Что-то нужно делать, – спустя пару секунд поняла она, – В дом я заходить не буду...»

– А! – вдруг опомнился Дима, – Алиса, привет!

Алиса издала веселый смешок, однако наполненный девичьим смущением, и весело ответила:

– Привет, Дима! Как дела?

Только сказав это, она поняла, насколько глупым был ее вопрос... Диме же глупым он не показался. Ему, после увиденного, ничего глупым не казалось.

– Да вот, – задумавшись, ответил он, – Происходит чертовщина какая-то. Вовремя ты приехала!

Он попытался рассмеяться, но не получилось. Вместо веселого смеха из его уст вырвалось нервное хихиканье.

– Да, вовремя, – Алиса улыбнулась, – Надеюсь, ничего плохого не произошло.

– Я тоже на это надеюсь, – Дима вздохнул, – Вот и папа выходит...

Андрей Иванович, бледный, как и сам Дима, медленно открыв вдруг заскрипевшую дверь, шатающимся шагом подошел к ним. Его пальцы дрожали, словно высохшие листья на осенних деревьях.

– Ничего там нет, – облегченно сказал он, – Ну, Дима!

– Как ничего?! – юноша удивился, – Я же слышал! Господи, я такое слышал!

– Не смей даму, – спокойно сказал Андрей Иванович, – Алиса, можете заходить в дом. Ваши вещи я занесу. А ты, Дима, покажи ей, где что находится.

– Но...

– И не делай так больше, – шепотом добавил отец, – Конечно, я понимаю, что ты так хочешь девушку к себе приблизить, но меня-то обязательно беспокоить нужно было?

Последующую половину дня Дима показывал Алисе хозяйство Андрея Ивановича и деревню. В промежутках между этим он безуспешно пытался доказать отцу то, что видел призраков, на что тот лишь неуклюже отмахивался и уходил от темы, прибегая к нелепым шуточкам. Отец упорно верил лишь в то, что Дима таким образом желает напугать Алису, чтобы она держалась ближе к нему. Дима, совершенно об этом не думая, только вздыхал. Ему было страшно и неудобно находится в доме, и он постоянно напоминал об этом отцу, но все закончилось тем, что Андрей Иванович внезапно объявил о неожиданных делах в городе и, несмотря на все протесты Димы, спешно покинул деревню, сказав, что вернется только к завтрашнему вечеру.

Дима такого развития событий никак не ожидал, поэтому, оставшись с Алисой один на один, растерялся. Понимая, что девушку нужно как-то развлекать, он этого совсем не делал и уделял все свое время бане, которую отец поручил ему истопить для девушки. Алиса, пока он носил дрова для банной печи и набирал воду в бочонки, гуляла по дому, по его окрестностям и огороду. Находясь в поезде, она продумала все до самых незначительных мелочей, но, оказавшись на месте, осуществить задуманное не сумела. В ее размышлениях о будущем Дима сам должен был сделать первый шаг, и уже тогда пришло бы время действовать ей, но юноша к девушке даже не подходил, занимаясь лишь своей баней и остальными деревенскими делами. Дима ходил по дому, переставлял вещи с места на место, высыпал зерно из мешка для недавно купленных бройлерных цыплят; в огромных количествах поедая щавель из огорода и затем снова возвращался в баню.

Так и прошел весь день. Наступил вечер, со стороны пруда повеяло холодом, и на небе засияли первые звезды. Алиса сидела на диване напротив телевизора и читала книгу, а Дима грубо засовывал цыплят в большой деревянный ящик, чтобы они не пропали ночью и не замерзли в ее холоде. Накрыв ящик прозрачной клеенкой, он вошел в дом и сообщил Алисе, что баня готова.

– Тебе халат не нужен? – без лишних мыслей спросил Дима, – У нас просто есть.

– Нет, не нужен, – раздраженно ответила Алиса, – Покажи мне только, как правильно нужно баней пользоваться.

– А? – Дима не понял.

– Бани мира отличаются друг от друга...

– Вообще-то, нет, – Дима улыбнулся, – Я уверен, что в нашей бане все работает точно так же, как и в твоей.

– Нет! – вдруг, мотнув своими длинными рыжими волосами, вспыхнула Алиса, – Пойдем, покажешь мне, что нужно делать.

– Ну, ладно, – Дима пожал плечами.

Вздохнув, он пропустил Алису вперед, а сам прошел следом. Войдя в предбанник, он показал ей, где находятся веники, предназначенные для парки, и объяснил, что, прежде чем использовать их, нужно подать пар. Алиса, внимательно слушая его, принялась медленно раздеваться, а Дима, оживленно рассказывающий ей об особенностях их бани, этого и не заметил. Только обернувшись, он застыл от непонимания, будто снова увидел приведение. Алиса стояла перед ним в одних бриджах и лифчике. В свете лампы накаливания ее щеки покраснели, а глаза косились на пол.

– Что-то не так? – спросила она.

– Все нормально, – выдавил из себя Дима, – Все поняла?

– Да, поняла! – снимая с себя бриджи, сказала Алиса.

«Ну, нет! – мысленно воскликнул Дима, – Знаю я, к чему все это ведет!»

Не успели бриджи Алисы коснуться пола, как Дима уже вышел из предбанника и закрыл за собой дверь. Его сердце тяжело билось в груди, и он чувствовал, что задыхается. Настолько подробно и вблизи вживую девушку он видел только на пляже, но там это было как-то по-обычному, будто так и должно быть. Увидев же Алису в лифчике в предбаннике, он чуть не забыл о столь важных для него заповедях Святого Рыцаря. Ему захотелось обнять девушку, удовлетворить ее чувства и позволить животным инстинктам завладеть сознанием, но годы намеренного избегания и отрицания всего подобного дали о себе знать.

Справившись с еще одним жизненным соблазном, Дима облегченно вздохнул и направился к дому, окна которого приятно светились в сумерках заходящего солнца. Баню построили на удивление далеко от жилища, поэтому Дима решил собрать еще немного щавеля и, занимаясь этим делом посреди канонады шумящих сверчков, невольно замечтался. О такой девушке, как Алиса, многие могли только мечтать в своих самых потаенных желаниях, а ему нужно было лишь позволить ей приблизиться к себе, и тогда Алиса стала бы его девушкой. Были бы у них замечательные дети, свой собственный дом, общая работа, которая нравилась бы им обоим...

– Наверно, мы были бы хорошей парой, – сказал Дима в вечер, – Алиса красивая, умная, добрая... Что мне еще нужно?

Спустя долгое время жизни Святого Рыцаря он просто не мог позволить себе сблизиться с девушкой. Исход событий, в результате которых он стал бы ее парнем, рассматривался им, как предательство своих собственных интересов и побуждений. Но юноша знал, что дальше так продолжаться не может. «Пускай нам не суждено быть вместе, – подумал Дима, – Но мы можем быть хорошими друзьями. Да, точно! Я буду дружить с Алисой так, будто она и не девушка вовсе. Да и за год в Латине я ни с кем нормально не сдружился. Пусть Алиса будет моим другом. Думаю, это хоть немного успокоит ее».

Такое вдруг появившееся из воздуха решение приободрило его, и домой он вернулся в бодром расположении духа. Расправив для Алисы диван, он постелил на него чистое постельное белье, взбил подушку, чтобы она стала мягкой и пушистой, а затем проделал то же самое со своей кроватью.

Пока Дима готовился ко сну, Алиса вышла из бани и, увидев расправленный для нее диван, переделась в пижаму. Ложиться спать было еще рано, но в мягкой пижаме ей было удобнее.

Дима вышел из своей комнаты и приветливо улыбнулся Алисе, на что девушка лишь неприятно скорчила лицо, чем вызвала у юноши глубочайшее непонимание. Она отвернулась от него и, не говоря ни слова, поправила волосы, которые заплела так, чтобы они не намочили пижаму.

– Что стало? – как можно добрее и сочувственнее спросил Дима.

– Ничего, – не оборачиваясь, грубо ответила Алиса.

Дима, не понимая, что с ней происходит, только хмыкнул и пошел по своим делам.

Вернулся он к ней лишь, когда пришло время ложиться спать. Дима пожелал Алисе спокойной ночи, спросил, удобно ли она себя чувствует и улегся в двуспальную постель в своей комнате. «Двуспальная, – засыпая, подумал он, – Что происходит, когда половозрелая девушка, влюбленная в половозрелого парня, остается с ним ночью одна?»

Ответ на вопрос пришел к нему через несколько часов. Сквозь сон Дима услышал, как занавеска, заменяющая ему дверь, с шорохом сдвинулась в сторону, и в комнату кто-то вошел. Послышались тихие, как будто детские шаги, и Дима, проснувшись и услышав их, замер, не смея даже дышать. Лунный свет совсем не проникал в комнату, и было темно, словно не лето стояло на дворе, а глубокая зима.

Шаги все приближались и приближались, а Дима вжимался в постель все сильнее и сильнее, и в тот миг, когда он был готов закричать от ужаса, он услышал знакомый голос:

– Дима, ты спишь?

Ужас улетучился мгновенно. Дима почувствовал огромное облегчение и чуть не засмеялся от того, что Алиса сумела таким нелепым образом напугать его.

– Теперь нет, – тяжело дыша, ответил он, – А ты что ходишь?

– Та история о приведениях, о которых ты сегодня своему отцу рассказывал, – девушка замялась, – Я заснуть не могу, мне страшно.

– Хочешь лечь ко мне? – осторожно предположил Дима, вспоминая, что в детстве часто ложился спать к родителям, когда что-то пугало его.

Алиса не ответила, но юноша, хоть ничего и не видел в темноте, понял, что она кивнула.

– Что поделаться? – сказал он, – Раз страшно – ложись.

Кровать громко скрипнула в ночной тишине, и Дима почувствовал, как обычно никем не занятая сторона его двуспальной постели продавилась под весом легкого тела девушки. «Половозрелые люди», – подумал юноша.

– Не думал я, что ты боишься призраков, – отгоняя ненужные мысли, сказал Дима, – Как так?

– Я с ними еще никогда не встречалась, – Алиса начала смущенно оправдываться, – А тут ты так живо рассказывал о них, вот и...

– Ну, хоть кто-то мне верит! Ладно, спать надо. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – расстроено сказала Алиса.

Удовлетворенно улыбнувшись, Дима со спокойным сердцем заснул, ведь думал, что ложится спать в одной кровати не с девушкой, которая испытывает к нему любовные чувства, а с обыкновенным другом.

5. Шкатулка с жетонами

Проникая в самые глубины сознания, голос Бога твердил Николаю Федоровичу, что нужно торопиться, поэтому старик отправился в путь уже на следующий после разговора с Димой день. Собрав лишь необходимые вещи, Николай Федорович попрощался со своим домиком в лесу и, сев в проржавевшую, но все еще исправно работающую Ниву, отправился сначала в Москву, чтобы в последний раз навестить могилу жены, а после взял прямой курс на Латин. Он не знал, где находится этот город, но голос Бога, когда старик сомневался, давал ему подсказки на развилках дорог и на перекрестках. Николай Федорович послушно внимал голосу и выполнял все его приказы, не смея нарушать ни один из них. Он знал, что если ослушается, то Бог этого не простит и оставит его без помощи, поэтому все приказы исполнялись в точности до каждого слова.

– Тот, кто тебе нужен, в опасности, – услышал вдруг Николай Федорович, – Вернись, спаси его, уйди и жди до тех пор, пока он сам не найдет тебя.

Проснувшись утром, Дима с ужасом обнаружил, что обнимает Алису. Ее теплое, нежное тело прижималось к нему, руки обвивали шею, а ноги лежали на ногах Димы, который сам держал свои руки на ее плечах. Такого странного ощущения нежности он еще никогда не испытывал. Ему было хорошо, приятно и так спокойно на душе, что отпускать Алису не хотелось.

Не желая делать этого, Дима, все же, осторожно убрал руки с ее тела. Юноша старался не разбудить девушку, но Алиса, почувствовав легкое прикосновение его рук, медленно разлепила сонные глаза, прикрытые беспорядочно тонкими волосами, и улыбнулась своей самой приятной улыбкой.

– С добрым утром, – присев на кровати, дрожащим голосом сказал Дима, – Как спалось?

Выговаривать слова ему было трудно – сердце от волнения билось так сильно, что в любой момент могло выпрыгнуть из груди. Алиса заметила это и снова улыбнулась. «Ему не все равно», – с радостью подумала она.

– Хорошо, – ответила девушка, – Ты всю ночь защищал меня от злых приведений, и теперь я чувствую, что нахожусь в безопасности.

Сказав это, она взяла со столика, стоящего рядом с кроватью, свой телефон и, вдруг покраснев, сказала:

– Не мог бы ты лечь обратно?

– Зачем? – удивленно спросил Дима.

– Хочу сделать сэлфи, – краска на лице Алисы стала еще насыщеннее, – На память.

– Ну, раз так...

Дима послушно лег обратно на кровать, и Алиса смущенно прильнула к нему. Она положила взлохмаченную после сна голову ему на плечо и сделала несколько фотографий.

– Надеюсь, в интернете я их не увижу? – шутливо спросил Дима.

– Нет, конечно. Что будем сегодня делать?

Юноша задумался. Отец должен был приехать только вечером, и весь день, который нужно было чем-нибудь занять, им с Алисой предстояло провести наедине.

– В огороде не хочешь поработать?

– В огороде? – Алиса удивилась, – Можно и поработать.

– Тогда этим и займемся! Вставай, переодевайся, а я пока кушать приготовлю.

Встав с кровати, он слишком поздно понял, что девушка может не совсем правильно понять ситуацию, когда перед ней предстает обнаженный по пояс парень, в которого она, к тому же, влюблена. Лишь осознав всю опасность ситуации, Дима молниеносно схватил одежду со стула и скрылся из поля зрения Алисы в соседней комнате.

Попав в гостиную, он сразу заметил, что в ней многое изменилось. Столик, с которого каким-то чудом исчезли деньги, отданные ему Николаем Федоровичем, слегка отъехал в сторону, телевизор, оставив за собой недлинный пыльный след, отодвинулся назад, и занавески на окнах были задернуты, хотя Дима отчетливо помнил, что, ложась спать, оставил окна открытыми. Боясь даже представить, что могло произойти ночью, он, затаив дыхание, посмотрел на стену у печи – кочерги на месте не было. Она лежала под диваном, и лишь небольшая ее часть, покрытая черной сажой, выглядывала наружу.

– Ты, случайно, деньги со столика в гостиной вчера не брала? – подходя к телевизору, спросил Дима, – Занавески не задергивала?

– Нет, – донеслось из его комнаты, – А что?

– Ничего, – солгал Дима, чтобы не напугать девушку, – Знаешь, в огороде сегодня работать не будем. Ну, первую половину дня точно.

– Другие дела появились? – выйдя из комнаты, спросила Алиса, все еще облаченная в ночную пижаму.

Не желая отвечать, но понимая, что посещение Николая Федоровича в данной ситуации просто необходимо, а Алиса остаться дома одна, наверняка, не захочет, Дима сказал:

– Съездим в соседнюю деревню. Нужно пару вопросов одной особе задать.

– Какой особе?

– Одному весьма интересному человеку, – Дима улыбнулся, – Уверяю, он тебе понравится. Только с ним нужно быть осторожнее, а не то ударит лопатой по голове и закопает потом в своем цветочном саду.

– В цветочном саду? – Алиса не поняла юмора.

– Да, у него сад огромный вокруг дома есть.

– Красиво, наверно...

– Красиво, – Дима согласился, – Ладно, я еду приготовлю, поедим и отправимся. Не возражаешь?

Алиса приняла его предложение о поездке в соседнюю деревню положительно, и уже через два часа они стояли на автобусной остановке и ждали полуденного автобуса. Алиса надела на себя белое летнее платье, а волосы заплела в длинную косу, чем вызвала у Димы невольный смех, который он объяснил тем, что в такой одежде она похожа на деревенскую девушку времен правления князей. Алиса лишь рассмеялась в ответ, и никаких замечаний по поводу его синей футболки и шорт такого же цвета делать не стала. Придя на остановку, она, смахнув пыль, присела на скамью и принялась внимательно рассматривать юношу, которого с недавних пор уже считала своим парнем.

– Недавно я на утренний рейс опоздал, – сказал Дима, – Потом меня бандиты довели до деревни, но ограбили.

– Бандиты? – Алиса подозрительно сузила глаза, – Ограбили?

– Да! Четыреста рублей забрали!

– Ну и ну... часто тут такое бывает?

– Конечно, часто. Здесь от Москвы чуть больше ста километров, наверно. А в Москве бандитов много. У нас в Латине такого нет.

– Хорошо у нас, – Алиса подняла взгляд к небу, – Хороший у нас город. Никогда из него в другое место жить не уеду...

«Я тоже», – хотел ответить Дима, но сдержался. Все, что ему нужно было от Латина – это разгадать загадку Ворота. Больше его в этом городе ничего не держало.

– А я вернусь, наверно, домой, – сказал Дима, – Закончу учебу, и...

– Жаль, – Алиса не дала ему договорить, – А вот и автобус. Поехали?

Дима кивнул и, наблюдая за гремящим всем, чем только можно, автобусом, решительно выдохнул воздух из легких. Ему казалось, что разговор с Николаем Федоровичем не пройдет так же гладко, как раньше.

– Слушай, – спустя некоторое время после того, как они сели в автобус на самые задние сиденья, сказал Дима, – Человек, к которому мы едем, может говорить о таких вещах, что смешно становится... так вот, ты его всерьез не воспринимай, ладно?

– Ладно, – Алиса оторвалась от разглядывания сплошного леса, растущего вдоль левой стороны дороги, – Долго нам еще ехать?

– Почти приехали уже. Сейчас поворот проедем, и деревня уже будет.

Случилось так, как сказал Дима. Автобус благополучно остановился в положенном месте и высадил пассажиров. Вместе с Алисой и Димой из автобуса вышла еще одна облаченная в траурную одежду пожилая пара, которая изредка бросала взгляды на молодую парочку и понимающе кивала головами. Дима смотрел в их сторону и громко, чтобы они услышали, вздыхал.

– Извините, – сказал он, когда старик, ведущий под руку дряхлую старуху, отправил в их сторону пошлую шутку, – Николай Федорович. Вы его знаете?

– Да, знаем, – ответила старуха, – Он вам нужен? Или цветы нужны?

– Он нам сам нужен.

– А он уехал вчера, – старуха сплюнула, – Наконец-то! Сказал, что больше не вернется и умчался на своей Ниве куда-то на восток.

– Уехал? – разочарованно спросил Дима.

– Если цветы вам нужны, можете брать их. Колька за цветами завещал ухаживать. Но времени нет, понимаете... да и сам Колька не очень хорошим человеком был. Воровал и к детям относился плохо, как говорят некоторые...

Алиса, выискивая момент, чтобы взять Диму за руку, наконец, сделала это и сказала:

– Ничего, пойдем. Я хочу посмотреть на цветы.

– Но Николай Федорович уехал.

– Цветы! – не желая слушать его, жалобно пискнула Алиса.

– Ладно, но по лесу где-то километр надо будет идти.

– Не страшно.

Старик, никак не отводящий от Алисы свой сверлящий взгляд, кашлянул и пробормотал:

– Да-да, парень, идите. Цветы, действительно, красивые. Порадуй свою девушку.

– Ну, что ж, – Дима вздохнул, – Пойдем, тогда...

Не пытаясь вырвать свою руку из руки Алисы, он, не церемонясь больше с неприятными для него людьми, повел девушку к тропинке, ведущей к дому Николая Федоровича. Как и раньше, стояла теплая погода и, войдя в лес, они сразу ощутили все ужасы лета в лесу. Мошкары стало еще больше, невыносимо изнуряла духота, и корни деревьев под ногами мешали спокойно идти вперед. Своей густотой лес напоминал непроходимые джунгли, и шум насекомых в воздухе перебивал даже шелест листьев.

– Видимо, тропинкой только сам Николай Федорович пользуется, – тяжело дыша, сказала Алиса.

– Скорее всего, так и есть, – ответил Дима, – Ты, как я вижу, не часто в лесу бываешь?

Алиса этот вопрос немного смутил, но она, все же, сказала:

– Иногда, когда не так жарко, хожу с родителями в лес за грибами.

– А я вот часто бываю в лесу, – Дима вдруг решил поведать Алисе об одной из интересных его сторон жизни, – Люблю я лес. Еще с детства отец брал меня с собой, когда за грибами или ягодами ходил. Вообще, хоть мы с ним и живем в городе, мы больше деревенские жители. В деревне нам больше нравится. В городе задыхаться начинаем. Как только возможность перебраться хоть на лето в деревню появилась, отец ее сразу воспользовался и думает теперь о постоянном проживании вне города. Я согласен с ним, но, думаю, не смогу в деревне жить. Все же, на жизнь зарабатывать-то надо, а здесь у нас даже колхоза нет. Отец вот дистанционно работает, ему хорошо, а мне...

– Хм... Дима, ты мне про лес хотел что-то рассказать.

– Ах, да! – Дима опомнился, – Люблю лес. Смотри, разве ты не видишь всего его величия и величия? Лес для меня – это место уединения, спокойствия, равновесия. Здесь все гармонично и устроено так, как Дарвин говорил. Выживает лишь сильнейший, и в этом и есть вся его прелесть.

– То есть, ты считаешь, что слабые виды должны вымирать под натиском сильных? – Алиса решила поспорить с ним, – По-моему, это не справедливо, а жестоко.

– Почему же? – Дима удивился, – Сама подумай, что было бы, если бы слабые виды не вымирали? Тогда их столько бы расплодилось, что нам места не нашлось бы. Нет?

– Наверно, да, – подумав, ответила Алиса, – Человечество. Человечество, ведь, доминирует над всей природой, и это хорошо.

Дима, размышляя над ее словами, не заметил, как его нога застряла между корнями одиноко стоящей посреди елей сосны. Он сделал шаг вперед и, не в силах бороться с силой гравитации, лицом ударился о землю. Алиса пронзительно вскрикнула и попыталась помочь ему встать, но Дима отмахнулся от нее, и девушка послушно отошла в сторону.

– Не ушибся? – когда Дима встал на ноги, спросила она.

– Нет, вроде... больно только. Крови нет?

– Посмотри на меня.

Дима послушно повернул голову в сторону девушки и вдруг понял, что с самого выхода из дома на нее нормально еще не смотрел. Она всегда была рядом, но его взгляд на нее падал не часто.

– Ты... ты без лифчика? – чувствуя, как к лицу подступает кровь, спросил Дима.

Глаза девушки расширились от ужаса, а в голову ударила неожиданная боль. Она бегло осмотрела свое вспотевшее тело и заметила, что тонкое белое платье плотно облепило кожу, и почти все прелести ее тела округлились и стали выпирать вперед.

– Жарко, – на одном дыхании простонала девушка, – Я думала, без него жарко не будет...

Не произнося ни слова, Дима стоял рядом и, не в силах контролировать самого себя, пожирал ее глазами. Где-то недалеко текла речка, шум которой доносился до тропинки; деревья колыхались в своем бесконечном шуме, и целые полчища летающих и ползающих по земле насекомых, желающих забраться в уши, глаза или нос, не давали шанса расслабиться; если руки, постоянно держащиеся у головы, опускались, то комары и мелкие мушки сразу это замечали.

Вглубь непроходимой чащи уходила еще одна тропинка, но настолько незаметная, что, не упав, Дима ее и не заметил бы. Из той стороны, в которую она уходила, доносилось едва слышимое журчание небольшого ручейка, какие в лесах обычно текут на дне глубоких оврагов.

– Ладно, ничего, – кое-как оторвав от Алисы взгляд, сказал Дима, – Пить не хочешь? Вроде, у старика около дома был колодец, но мы прошли только чуть больше половины всего пути.

– Хочу, но что поделать... – пытаюсь всячески прикрываться, девушка пожала плечами.

– Смотри, тропинка разделяется и одна ее часть уходит вон туда, – юноша указал рукой в сторону речки, – Прислушайся.

Алиса напрягла слух и, с минуту прислушиваясь к шуму леса, все отчетливее и отчетливее улавливала среди пения птиц и шуршания листьев журчание воды.

– Да, – наконец, сказала она, – Вода шумит.

– А, может, листья на ветру, – Дима в один миг пошатнул все ее надежды на возможность освежиться, – Иногда бывает, что я путаю эти звуки.

– Но проверить стоит?

– Конечно. Пойдем.

Он свернул с тропинки и первым скрылся за деревьями, а Алиса поспешила сразу за ним. Спустя пару минут они дошли до заросшего папоротником оврага, на дне которого текла необычайно широкая речка, которую Дима, ни проезжая рядом с деревней, ни идя по тропинке в лесу, еще не видел. Довольно широкая и глубокая, она весело играла солнечными бликами, которые просачивались сквозь листву деревьев, и текла вдаль, в сторону дороги.

– Что-то грязно как-то, – посмотрев на воду, Алиса сморщилась, – Вода мутная. Недавно взбаламутили.

– И следов много, – Дима задумался, – Кабаны, медвежи, собачьи... нет, они похожи на следы волков. Странно, о волках слышал, но кабанов с медведями здесь никогда не водилось.

– И? – испуганно спросила девушка.

– Думаю, нам нужно, все же, сходить до дома Николая Федоровича. Такие люди, как он, обычно дневники ведут или записи какие-нибудь делают. Интересно будет их прочитать, если он их с собой не забрал.

– Наверно...

– Тогда, пошли. Нечего тут задерживаться и на грязную воду смотреть.

Постепенно разваливающееся жилище Николая Федоровича выглядело так, будто за ним никто не ухаживал уже несколько лет. Стекла на окнах потрескались, крыша провалилась, а цветочный сад неожиданно поник и почернел, будто скорбя над страшной трагедией. Дима точно помнил, что дом, косящийся в сторону, выглядел не таким разрушенным, когда он был здесь в прошлый раз. Тогда в нем хоть немного, но была видна твердая хозяйственная рука. Сейчас же ни капли жизни в доме не осталось.

– И твой старик жил тут? – удивленно спросила Алиса.

– Ага, – Дима кивнул, – Зайдем внутрь?

– Я не уверена, что это правильно...

– Не волнуйся. Николай Федорович же уехал навсегда, как нам сказали. Дом теперь никому не принадлежит. Так что, бояться нечего.

Алиса разочарованно опустила голову, но с Димой согласилась и затем зашла в цветочный сад прямо за ним.

– Не такие уж эти цветы и красивые, – сказала она.

– Да, это странно, – прошептал Дима, – Как тихо... даже птицы не поют. Будто мы на кладбище.

– На кладбище? – не желая верить в Димины слова, задала вопрос Алиса.

– «Иначе ударю тебя лопатой по голове и закопаю в своем саду, как удобрение для цветов», – повторил Дима недавнюю реплику Николая Федоровича, – Хм...

– Действительно, тихо, как на кладбище. Пойдем быстрее, пожалуйста.

– Пойдем.

Алиса взяла его за руку и, сопровождаемая лишь мрачным шумом ветра и тяжелым дыханием Димы, двинулась вперед вслед за ним.

– Ой, что это?! – через некоторое время, когда сад был почти преодолен, взвизгнула она.

Дима остановился и опустил взгляд к земле, куда пальцем показывала Алиса. На ее измученном от жары лице был виден глубочайший ужас. Она стояла на месте и дрожала от страха, не в силах больше ничего сказать.

– Ну и напугала ты меня! – чуть ли не закричал Дима, когда увидел, на что показывает Алиса, – Просто сухой корень!

– На детскую ручку похоже... у меня мама фельдшером в деревне работает. У нее в книге точно так же было...

– Откуда здесь взяться детской ручке? – юноша издал смешок, – Не обращай внимания, пойдем.

Оставив разрыхленную дикими зверями могилку девятилетнего мальчика, родители которого, даже спустя целых два года после его исчезновения не теряли надежду на то, что их сын когда-нибудь найдется, они покинули цветочный сад, поднялись на возвышенность, на которой стоял дом и вошли внутрь.

Дверь лениво скрипнула, когда Дима толкнул ее вперед, и в воздух поднялась огромная туча пыли, отчего проникающие в помещение солнечные лучи отчетливо обозначились в воздухе, пропитанном запахом гниющей древесины.

– В таком доме жить?! – воскликнула Алиса, пройдя внутрь.

– Странно... раньше не так было. Раньше дом ухоженным выглядел...

– Что-то ты путаешь, наверно.

– Да нет... Ладно, давай искать что-нибудь похожее на какие-нибудь записи.

– Бесполезно, – Алиса сразу опустила руки, – Тут пусто.

Отодвигая в сторону пыльный стол, на котором раньше стояла ваза с цветами, Дима обреченно вздохнул. Он прошелся по всем комнатам, перевернул всю мебель, снял старые фотографии со стен, покрытых паутиной, проверил каждую тарелку и каждый проржавевший стакан на кухне, посмотрел за ничуть не изменившимися иконами и даже содрал заплатки с матраса, который лежал на кровати... но ничего, кроме вмиг постаревших и разрушенных вещей, не представляющих никакой ценности, не нашел.

– Неужели мне все привиделось? – так, чтобы Алиса не услышала, сказал он, – Дом выглядит так, будто заброшен уже долгое время, но старик, должно быть, покинул его всего несколько дней назад...

– Что? – донеслось из гостиной.

– Ничего, сам с собой разговариваю. Похоже, в доме пусто. Проверим еще сарай и потом домой пойдем.

Квадратная деревянная коробка сарая, крыша которого равнялась с макушкой головы Димы, казалось, пережила саму Великую Отечественную войну. Как только юноша подошел к сараю и взял дверь за ручку, она тут же отвалилась, и стены, простонав в своем последнем жизненном рывке, рухнули. Гнилые деревянные щепки разлетелись в стороны, и Алиса невольно ахнула от удивления.

– Вот тебе и сарай, – сказала она.

Но Диму это ничуть не расстроило. Он лишь улыбнулся и произнес:

– Придется мне все это разбирать, чтобы найти то, что ищу.

И он сразу принялся за работу. Алиса стояла рядом, и ветер, вдруг усилившийся в несколько раз, трепал ее волосы и летнее платье по воздуху. Она смотрела на Диму, но часто оглядывалась на цветочный сад, который внушал ей необъяснимое чувство страха. Ей казалось, что среди цветов скрывается опасность.

Дима раскидывал сгнившие доски и тяжело при этом дышал; его футболка на спине потемнела от пота, а руки задрожали от усталости, но вскоре юноша победоносно воскликнул:

– Да! Так и знал, что найду вход в подвал!

– Выглядит, будто мы в страшном фильме каком-то, – сказала Алиса голосом, полным паники.

Дима не ответил. Он осторожно, боясь сломать, поднял люк, закрывающий проход вниз, и опустил голову в образовавшуюся дыру. Внизу пахло землей и гнилью.

– Тут не глубоко совсем, – уведомил он Алису, – И лестница есть. Я полез.

Включив фонарик на телефоне, он в несколько движений спустился вниз и услышал, как ступени лестницы скрипнули под ногами Алисы.

– Ничего здесь нет, пусто – расстроилась она, осмотрев освещенное фонариком помещение, – А, нет! Смотри, в углу шкатулка.

Кроме старой деревянной шкатулки, облепленной ветхой паутиной, и двух посеревших от времени табуретов, на одном из которых и стояла шкатулка, в подземной комнате с земляными стенами, полом и потолком, который подпирали толстые бревна, Дима больше ничего не обнаружил. Он подошел к шкатулке, сдул с нее паутину и взял странную коробочку в руки. Открыв ее, он увидел три прикрепленных к одной цепочке жетона армии США. Первый жетон принадлежал некому Джону Миллеру, другие два – Стивену Макбрайду и Джасперу Хиллу.

– Интересно, зачем они старику? – задумался Дима.

– Что там? – заинтересовавшись, спросила Алиса, – Жетоны? Американские? Если мне память не изменяет, такие были у солдат во Вьетнаме.

– А они, случайно, не всегда одинаково выглядели?

– Точно не знаю, – Алиса замаялась, – Но я фильм недавно про Вьетнам смотрела. Там у солдат жетоны такие же были.

– Значит, из Вьетнама? Хм... Николай Федорович говорил, что в Афганистане воевал. Странно.

– То есть, ответов ты не нашел, а вопросов только прибавилось?

– Да, наверно.

– И что теперь?

– Пойдем обратно, – Дима поник головой, – Дом мы весь обыскали, сарай пуст был, а здесь только эта шкатулка. Возьму ее с собой, пожалуй, раз старику она больше не нужна.

Обрадовавшись такому решению, Алиса кивнула и, торопясь как можно скорее выйти из затхлого подвала, вылезла на поверхность. Дима, осмотрев все еще раз, последовал за ней.

В его голове не укладывалось, как хозяйство Николая Федоровича могло так быстро обветшать спустя всего несколько дней после его отъезда, будто не дни миновали, а долгие годы. Было всего одно единственное разумное объяснение этому: старика никогда не существовало, и разговор с ним Диме привиделся. Но жители деревни, говорившие о нем, как о своем соседе, не давали юноше думать так. Их слова о его сумасшествии и роскошном цветочном саду, за которым он ухаживал, перекрывали мысли о том, что Николая Федоровича не существовало в этом мире. «Может, я просто их не так понял? – поднимаясь по лестнице наверх, думал Дима, – Нет, они говорили о нем в настоящем времени». Такие мысли не могли оставить сознание в покое, и Дима решил пока не думать об этом. В последнее время вокруг случалось много всего фантастического, и мгновенному старению вещей удивляться не стоило. Дима твердо сказал себе это, но согласиться с самим собой не сумел. Ему обязательно, несмотря на различные смутные решения проблемы, нужно было найти четкий ответ на этот вопрос.

Жетоны приглушенно брнчали за тонким слоем древесины при каждом его шаге. Алиса медленно топала впереди и испуганно оглядывалась по сторонам. Цветочный сад ни на миг не переставал пугать ее.

Дима чувствовал, будто на него кто-то смотрит. Они приближались к огромному кусту высоких золотых шаров потемневшей рудбекии, и юноша ощущал, как что-то большое, шевеля поникшими стеблями, лежит на земле.

– Дима, там, кажется, кто-то есть, – не оборачиваясь, прошептала девушка, – В тех цветочных зарослях.

– Ты, главное, не шуми, – косо глядя на волчьи следы на земле, так же шепотом сказал Дима, – И не волнуйся. Медленно развернись и иди обратно в дом.

– Что?

– Там, возможно, волк.

– Как волк?! – Алиса едва не закричала, – Один?

– Я не знаю. В золотых шарах один, но, может, еще в других цветах прячутся.

Больше Алиса ничего не говорила. Оставив оценивание обстановки на неопытного в этих делах Диму, она, пытаясь издавать как можно меньше шума, развернулась и зашагала в обратном направлении, а Дима, отдав ей шкатулку с жетонами, остался на месте. Ему вдруг нестерпимо захотелось защитить девушку и показать ей всю свою мужественность, поступить, как настоящий рыцарь.

Ветер стих, и волнение в цветочном саду прекратилось, но куст золотых шаров все так же неестественно колыбался из стороны в сторону. «Как перед бурей тихо стало», – подумал Дима. Волнение заставляло его пальцы и колени задрожать, и в горле пересохло, словно он ничего не пил уже целый день.

Прошло всего полминуты с тех пор, как Алиса покинула его, и куст неожиданно замер. Дима приготовился к самому худшему...

Он ожидал, что из куста на него выпрыгнет невероятных размеров чудовище с гигантскими клыками, с которых будет капать желтая, перемешанная с кровью слюна, но его заставил убежать к дому обычный волк небольших размеров, каких полно водится в любом зоопарке. Дима, увидев его оскаленную морду, рванулся с места и со всех ног побежал к дому, изредка оглядываясь, чтобы убедиться в том, что серая размытая фигура подбирается к нему все ближе и ближе. Дима бежал вперед; цветы, которые возвышались над ним, больно хлестали его по лицу, и в панике он не заметил, как выбежал с протоптанной тропинки и оказался на разрыхленных грядках. Не припоминая ни одного случая, когда человек сумел бы на ровной местности убежать от волка, он с ужасом понял, что сейчас прольется его кровь.

Волк впился ему в среднюю часть бедра на левой ноге. Дима истошно закричал и не сумел придумать ничего иного, кроме как упасть на землю и попытаться оторвать пасть волка от кровоточащей ноги. Контроль над телом постепенно терялся, острые клыки скользили по кости, и кровь обильно вытекала из-под поврежденной кожи. Дима, находясь на грани потери сознания от боли и отчаяния, понял, что артерию волк ему не повредил. Его клыки в опасной близости прошли рядом с ней, но судьба распорядилась так, что Диме умирать было еще рано. Кровь вытекала обильно, не переставая, и была темной, словно вишневый сок.

– Помогите! – закричал юноша в отчаянии.

Пасть волка сомкнулась на его ноге, словно стальные тиски. Как бы Дима не старался, разжать ее у него не получалось.

Такой боли он еще никогда не испытывал. Хоть волк и не рвал его плоть, а лишь с каждой секундой сжимал челюсти все крепче и крепче, Дима в тот момент приравнивал себя к мученикам многих кругов ада из «Божественной Комедии». Он чувствовал, как заживо сгорает в могиле, чувствовал, как его бьют плетью по ноге, как его размазывает о скалы, чувствовал острые когти гарпий и как черти вонзают в него свои острые багры...

– Помогите!!!

Казалось, помощи ждать бессмысленно, но вдруг рядом с ним прогремел оглушающий выстрел из охотничьего ружья, и верхняя часть головы волка, обдав Диму теплой кровью и кус-

ками черепа, взорвалась кровавым фейерверком. Челюсти ослабли, и обмякшее тело повалилось в сторону.

– Вот и опасность, о которой мне говорили, – прежде чем провалиться во тьму, услышал Дима знакомый голос Николая Федоровича.

6. Энергия, скрытая за пеленой

Ночью они набрали на заброшенную деревеньку, стоящую у основания высокого холма, разбили в ней лагерь, отпраздновали начало нового 1968-ого года, а утром, уставшие и сонные, продолжили выполнение задания.

Их было четверо: капитан Джаспер Хилл был назначен командиром отряда, сержант Джон Миллер попал в него по приказу начальства, а двух рядовых солдат, Стивена Макбрайда и Грегори Уокера в отряд включил сам капитан. Задание, которое ему поручили, было не из самых сложных, поэтому, пораскинув мозгами, он решил, что оно пойдет только на пользу двум недавно прибывшим во Вьетнам новичкам.

Капитану Джасперу Хиллу недавно исполнилось тридцать три года, остальные же были еще совсем юны: гладко выбритые рядовые доросли лишь до начала призывного возраста, а сержант Джон Миллер перед отправкой во Вьетнам отпраздновал свои 22 года.

Грегори Уокер и Стивен Макбрайд ничем не отличались от остальных новобранцев. Они были такими же молодыми, неуклюжими и боящимися любого шороха в джунглях, как и все остальные юнцы, которых заставили воевать. Это было их первое настоящее задание, в котором вероятность вплотную столкнуться с врагом была весьма высока.

Раньше они уже стреляли в противника, но настоящим боем ту перестрелку назвать было сложно. Лишь пять минут джунгли сотрясали выстрелы из американских и советских винтовок, и ни одна американская пуля тогда не достигла цели. Грегори лишь прятался в укрытии и изредка высовывал голову с винтовкой, чтобы сделать несколько выстрелов в сторону врага, но, как потом доложила разведка, ни одного убитого с вьетнамской стороны не было. Американская же сторона понесла небольшие потери: один солдат получил ранение в ногу, и Стивену Макбрайду шальной пулей оторвало мочку уха, из-за чего он долгое время переживал и всячески отказывался от своего включения в отряд капитана Хилла... но армия есть армия. «Получил приказ – исполняй», – сказал ему капитан, и пришлось Стивену подчиниться.

Всех четверых вооружили винтовками М16А1, пистолетами М1911А1 и каждому вручили по две гранаты, которые солдаты повесили на пояс рядом с магазинами для винтовок и фонарями, которые были предназначены для того, чтобы продвигаться к цели ночью. К выходу все было готово, и командиру оставалось только уточнить некоторые подробности задания перед непосредственным началом его выполнения.

– Все сюда, – капитан подозвал членов своего отряда к широкому столу с потертой картой на нем, – Объясняю задание.

Грегори, жуя сухую булку, оторвался от рассматривания картины восходящего над джунглями солнца, зажигающего на деревьях искры росы, и усталым шагом подошел к столу. Весь отряд был в сборе.

Капитан Хилл и сержант Миллер стояли у карты, и их вид выражал полную серьезность. Оба были сосредоточены, а рядовой Макбрайд, стоящий рядом с ними, своим поведением ничуть не отличался от Грегори. Такой же сонный и усталый, он клевал носом и пытался не уснуть.

– Формальности, – промолвил капитан Хилл, – Наша задача, как вы помните, обыскать старый храм и его окрестности в поисках и опознавании трупов наших товарищей. Поднимемся на холм, и с его вершины зона поиска уже будет просматриваться почти полностью. Она не велика. Общем километр вокруг храма и, если найдем раненых, вызовем вертолет. В противном случае – отправимся обратно на базу пешком.

– Вчера здесь гремел бой, – продолжил за капитана сержант Миллер, – Наших было двадцать, вьетнамцев – неизвестно. Наша задача – лишь найти выживших, а об их снаряжении позаботятся другие. Мы встретимся с ними предположительно через три часа. Они – наша

подмога на случай, если гуков окажется слишком много. Вообще, в любом случае, они – наша подмога.

Грегори медленно, растягивая процесс, вздохнул. Все эти подробности он слышал так часто, что они успели глубоко въестся в его память.

– Наши на связь не вышли, – добавил капитан, – и все, что нам известно – это то, что выжившие могут скрываться в храме. К тому же, среди них может быть родственник нашего полковника, поэтому задание приобретает наивысшую степень важности. Всем понятно?

– Да, сэр! – хором ответили солдаты.

– Тогда выдвигаемся.

Первым на холм стал подниматься сержант Миллер, за ним – капитан Хилл и рядовой Макбрайд. Грегори замыкал колону. Он крепко стискивал рукоять своей винтовки и пристально вглядывался в джунгли, остающиеся внизу. Поднимаясь на холм, они становились хорошей мишенью для снайперов. «Раз капитан не видит в этом опасности, то ее и нет», – подумал Грегори, пытаясь успокоить себя. Ему чудились снайперы, буквально, на каждом дереве.

– Мне вот одно не понятно, – сказал он, пытаясь не думать о снайперах, – Какое задание выполняли те двадцать солдат?

– Субординация, – напомнил капитан, – В следующий раз не забудь о ней.

– Да, сэр! Так что там с этими двадцатью солдатами?

– Этого я не знаю, – ответил капитан Хилл, – Говорят, они выполняли некое секретное задание, но было бы оно секретным, нас просто так за ними не отправили бы. Минимум, что начальство должно было сделать – это отправить за ними какое-нибудь элитное подразделение, максимум – заставить нас подписывать документы о неразглашении... ничего этого не было, так что, я думаю, и секретности нет. Но и никаких сведений об их задании тоже нет. Вообще, черт возьми, ничего нет. Понятно?

– Понятно, сэр.

– Не отвлекайся.

Грегори кивнул, хоть никто его кивка и не увидел, и устало размял пальцы на правой руке. До вершины холма оставалось подниматься совсем немного, и он, из-за тяжести своего снаряжения и жаркой, душной погоды, уже успел потерять большую часть накопленных за ночь сил. Солнце на небе, светя на землю без единого намека на облака, плыло вверх быстро, ветра совсем не было, и разные причудливые насекомые, вперемешку с коричневыми ящерицами, со всех сторон окружали отряд капитана Хилла. Грегори смотрел на них и понимал, что вскоре их станет так много, что даже нормально воздуха вдохнуть не получится.

Поднявшись на холм, по обеим сторонам которого росли непроходимые джунгли, отряд остановился, чтобы оценить обстановку. Храм стоял примерно в километре от них, его полукругом огибала неширокая каменистая речка, и на земле отчетливо виднелись следы яростного боя. Деревья вокруг храма были повалены, земля зияла многочисленными воронками от взрывов, а у самого храма не было крыши и правой стены; их обломки устилали местность поблизости.

– А вот об этом мне ничего не говорили! – удивленно воскликнул капитан, – Минометы, видимо, поливали землю огнем.

– Запах напалма поутру слышен наиболее приятно, – улыбнулся рядовой Макбрайд.

– Хватит, Макбрайд! – строго прикрикнул капитан Хилл, – Твои шутки неуместны, и никакого напалма здесь нет. Когда по врагу ударяют напалмом, эта вязкая жидкость выжигает все живое. Здесь был бы пожар, и он бы все еще горел. На учениях спать не надо было!

Сержант Миллер рассмеялся чистым заливистым смехом, и капельки пота с его лица блестящей вереницей полетели на землю.

– Некогда смеяться, – капитан был все так же строг, – Сержант!

– Да, сэр!

– Бери Уокера, и идите вперед.

– Есть!

Сильно сомневаясь в компетентности командира, сержант Миллер махнул Грегори рукой, и они, держась рядом с плотно растущими друг к другу деревьями, принялись осторожно спускаться с холма. Капитан Хилл и рядовой Макбрайд подождали, пока сержант удалится вперед на двадцать метров, и двинулись за ним следом.

Спуск был похож на огромные ступени гигантской лестницы для великанов, и Грегори, глядя на них, сделал вывод, что когда-то очень давно под его ногами выращивался рис. Будто бы в подтверждение этому, недалеко от холма текла речка, которая со временем могла поменять русло и потечь в другом направлении. Только Грегори собрался сообщить об этом сержанту, как услышал едва заметный в гудении насекомых звук, издали похожий на осторожный шаг по лиственной подстилке. Прошла секунда, и этот звук повторился.

– Тихо, – прошептал сержант, – Ты слышал?

– Слышал, – во рту у Грегори пересохло, – Враг?

– Возможно, – подняв руку вверх, ответил Миллер, – Капитан!

Отряд остановился, и капитан Хилл, не подозревая ничего плохого, во всю глотку заорал:

– Что случилось?! Гуки в лесу?!

Не успело эхо от слов капитана стихнуть, как вдруг по ним ударил автомат Калашникова. Стрелявший был таким же несмышленным в военном деле человеком, как и сам капитан Хилл, дослужившийся до звания капитана, очевидно, чудом.

Земля рядом с ногами Грегори взорвалась несколькими грязными фонтанчиками, и сержант Миллер, схватив солдата за рукав, силой отдернул его назад. Они кубарем повалились на траву и откатились за земляное укрытие, за одну из ступеней гигантской лестницы.

– Господи! – взревел сержант, – Повезло же нам с командиром!

Грегори его не услышал. Он не мог отойти от шока. Дышать было тяжело, и неожиданно разболелась голова. Ему не было страшно, но умирать он не хотел.

Из укрытия местоположение вьетнамцев не просматривалось, зато капитана Хилла и рядового Макбрайда Грегори видел отлично. Они спрятались чуть выше за таким же укрытием, что и они, и капитан истекал кровью. Кровавое пятно ужасающе быстро расплывалось по его животу. Макбрайд держал его за плечи, и, казалось, был мертв. Он не шевелился, но ран на нем Грегори разглядеть не сумел.

– Что с Макбрайдом? – пытаюсь собрать разрозненные неожиданной стрельбой мысли в единое целое, спросил он, – Он мертв?

– Нет, – спокойно ответил Миллер, – Просто испугался. Скоро должен отойти, но пока он нам не помощник... Слушай. Стрелявший всего один, как я понял. Нужно избавиться от него как можно скорее, иначе капитан истечет кровью прежде, чем мы сумеем помочь ему.

– Как?

– Нужно рискнуть, иного выхода я не вижу. Сейчас мы с тобой поднимемся, и когда враг начнет стрелять, открывай по нему огонь, а я кину гранату. Если он на опушке, мы его зацепим.

– Но...

– Субординация, рядовой Уокер. Выполнять!

– Есть.

– На счет три. Раз, два, три!

Грегори вздохнул, мысленно попрощался со своими родителями и братом и поднялся на ноги. Лес, в котором скрывался враг, был примерно в тридцати метрах от него, но вьетнамца, когда тот начал стрелять, молодой солдат заметил сразу. Его темная фигура, несмотря на маскировку, отчетливо выделялась среди деревьев.

Грегори, чувствуя, как в опасной близости от него пролетают пули, открыл огонь. Безжалостные смертоносные жала в мгновение ока прорезали расстояние от дула винтовки до леса.

Многие из них впились в деревья и поломали их ветви, но некоторые, все же, попали в цель. Враг тонко вскрикнул, упал на землю, и тут же к нему подкатилась граната, которую метнул сержант Миллер. Вьетнамец попытался отползти от нее, но она взорвалась прежде, чем он успел сделать хоть что-нибудь.

– Голос, будто ему не больше двадцати, – Миллер вздохнул, – Еще одна жертва бессмысленной и кровавой войны. Уокер, проверь.

Грегори, не веря в произошедшее, быстрым шагом преодолел расстояние до леса и посмотрел на труп сквозь деревья. Рука и добрая часть плеча вьетнамца были оторваны, тело изуродовано осколками гранаты, и половина головы стекала по стволу дерева, рядом с которым он лежал. «Это не я сделал, – с ужасом подумал Грегори, – Это сержант его убил. Гранатой...»

– Уокер, – услышал он голос Миллера, – Идем, Уокер! Узкоглазые с той стороны холма. Идут прямо на нас!

Грегори тряхнул головой, чтобы отогнать страшное видение, и присоединился к Миллеру с Макбрайдом. Рядовой смотрел на мир пустыми глазами и слепо следовал за сержантом.

– А капитан? – опасаясь самого худшего, спросил Грегори, когда наваждение прошло.

– Мертв, – сухо ответил Миллер, показав ему жетон капитана Хилла, – Слушайте, бойцы! Холм окружен, и только со стороны храма врага не видно. Идем к руинам. Будем держать в них оборону, если дело дойдет до боя.

Грегори, не особо вникая в слова, хоть и сам задал вопрос, кивнул. Он никак не мог представить, как человек, который еще недавно мыслил, дышал, ходил и строил планы на будущее, погиб, и все сущее для него исчезло вместе с ним. Он думал о капитане Хилле, и убитый вьетнамец его больше совсем не беспокоил. «Они убивают нас, – размышлял Грегори, со всех ног несясь к разрушенному храму, – мы убиваем их. Они жестоко убили капитана. Теперь я могу жестоко убивать их».

Расстояние до храма преодолели за считанные минуты, но еще на подходах к нему вьетнамцы заметили их и открыли по ним огонь. Сержант Миллер, бегущий впереди, быстрым котом нырнул за стену. Увлекая за собой Макбрайда, он прокричал:

– Не сюда, Уокер! За тот обломок!

Рядовой послушно нырнул в указанную сержантом воронку, на краю которой лежал обломок каменной крыши и почувствовал, как попал во что-то мягкое и сырое. Опустив взгляд вниз, он ужаснулся. На дне воронки лежал американский солдат, выглядевший так, будто его вывернуло наизнанку.

Вражеские пули вонзились в каменный обломок, выбив из него пыльную крошку.

Рядовой Грегори Уокер не сумел сдержать рвоту. Его обильно вырвало на останки павшего в бою солдата, и он решил перебраться в другое укрытие, но вдруг в обломок, за которым он прятался, ударила очередная очередь из автомата Калашникова. Пришлось ему остаться на месте.

– Огонь! – приказал сержант Миллер, и стал стрелять по вьетнамцам, подбирающимся к храму.

Грегори выглянул из-за укрытия, и отвращение неожиданно заполнило все его сознание. Местность, разрыхленная взрывами снарядов, полностью была усыпана разорванными на куски человеческими телами. Смуглые конечности вьетнамцев лежали на земле вперемешку с тем, что раньше было американскими солдатами; раздавленные органы перемешались с грязью, засохшая кровь украшала обломки от крыши и от стены храма, и отделенные от плоти кости торчали из земли.

– Господи, – прошептал Грегори, – Сержант, что здесь произошло?

Миллер не слышал его из-за непрерывного огня из винтовки. Местоположение врагов хорошо просматривалось им, а его разглядеть было трудно. Сержант расположился так, что оказался в недосыгаемости вражеских пуль, и сам спокойно стрелял по вьетнамцам и клал

одного за другим. Пока Грегори, не попадая ни по кому, выглядывал из укрытия и посылал в сторону врага короткие очереди, сержант Миллер успел убить пятерых. Но вьетнамцев с каждой секундой становилось все больше и больше, и вскоре они могли просто завалить их количеством.

– Странно это, – сказал Миллер, прекратив огонь, – Их много, но к храму близко они не подходят.

– Может, он для них запретный? – тяжело дыша, Грегори сделал предположение, – Я слышал, что для вьетнамцев есть запретные земли, на которые им ступать нельзя.

– Никогда об этом не слышал, – сержант помотал головой, – но звучит здорово. Это наш шанс спастись. Перебирайся сюда, спрячемся в храме. Здесь есть проход под землю. На счет три, я тебя прикрою. Раз, два...

Сержант стал беспорядочно стрелять по врагу, отчего вьетнамцы на миг переключили все свое внимание на него. Грегори воспользовался этим и незамеченным перебрался за стену, служившую укрытием Миллеру и Макбрайду. Весь он был в крови изуродованного смертью американского солдата.

– Взрывы обрушили потолок подземных помещений, – сказал сержант, кивком указывая на темную дыру, ведущую под землю, – Прыгаем туда. Ты первый, мы с Макбрайдом сразу за тобой. Пошел!

Грегори подошел к дыре, посмотрел вниз и увидел, что до земли падать придется весьма долго. Опасность упасть и сломать себе ногу или руку была высока, но частые выстрелы по их укрытию были намного опаснее возможного перелома.

– Прыгай! – приказал Миллер, и Грегори прыгнул.

Приземлившись на носки ног, рядовой Уокер не удержался и встретился лбом с твердым камнем, которым был устлан пол. Хрупкая кожа не выдержала удара и порвалась, но ранение оказалось не настолько серьезным, чтобы волноваться о нем. Небольшое рассечение не помешало Грегори подняться на ноги и освободить место для прыжка остальным.

Множество обломков лежало у его ног, и Уокер благодарил бога за то, что не упал головой на один из них.

– Макбрайд, вперед! – услышал он голос сверху, – Вперед, черт возьми!

– Столкните его, – крикнул Грегори, – Я поймаю.

– Осторожно.

Сержант Миллер оттащил Макбрайда от стены и подвел его к дыре.

– Готов? – спросил он.

– Да, – ответил Грегори.

Уокер встал так, чтобы смягчить падение Макбрайда и не причинить себе вреда, и стал ждать. Сержант Миллер столкнул рядового в дыру, и тот стремительно полетел вниз.

Грегори не выдержал веса своего сослуживца. Едва не сломав обе руки, он совсем не сумел смягчить удар падения, и рядовой Макбрайд, сильно ударившись головой и спиной о твердую поверхность, хрустнул всем телом, когда соприкоснулся с землей.

Тоненькая струйка крови стекла по его подбородку, и Грегори, сквозь темноту заметил, что острый камень, осколок крыши, вонзился Макбрайду прямо в затылок. Но, несмотря на это, рядовой Стивен Макбрайд улыбался. Он улыбался такой счастливой улыбкой, будто с нетерпением ждал своей смерти уже долгие годы.

– Что там? – нетерпеливо спросил Миллер, – Живо, оттащи его, чтобы я сумел спрыгнуть.

– Сержант, – чувствуя, как горлу подступает тяжелый комок, ответил Грегори, – Макбрайд погиб, сержант!

– Черт! Ладно, все равно оттащи его.

Грегори вцепился в плечи умершего товарища и, оставляя на земле кровавый след, потащил его прочь от зияющей в потолке дыры.

– Готово, сержант!

Миллер приземлился на каменный пол без каких-либо затруднений. Он умел правильно двигаться, ведь большую часть прожитой жизни развивал свое тело так, чтобы не пропасть в подобных ситуациях.

– Плохо дело, – сказал он, оценив обстановку, – Сам-то идти сможешь?

– В темноту? – Грегори удивился, – Ах, да, фонари.

– Некогда здесь время просиживать, рядовой! Идем, быстро!

– Но...

– Будем скорбеть позже, – Миллер опустил взгляд и сорвал с шеи Макбрайда его жетон, – Сейчас нам свои шкуры спасти надо.

– Да, сэр! Но зачем вы сделали это? Зачем вам его жетон?

– Вряд ли кто-нибудь спустится сюда, чтобы искать его труп, и никакой памяти о нем у нас не останется. То же и про капитана. Он навсегда останется спать в траве на том холме... Когда умирает один человек, этого никто не замечает. Опознавать трупы будут лишь, когда они погибнут в каком-нибудь большом сражении, как это, у храма... Жетоны павших товарищей я по возможности всегда беру себе... и ты мой возьми, Грегори... Сбереги его, если я умру.

– Да, сэр!

– Остерегайся плесени, – Миллер вздохнул, – На стенах ее слишком много, и она может быть ядовитой.

Они включили фонари, которые им выдали на базе, и, оставив мертвое тело рядового Макбрайда сгнивать в темном мраке подземного коридора, двинулись вперед. Окруженные лишь тьмой и поднимающейся в воздух при каждом шаге пылью, они углублялись под землю все дальше и глубже, и вскоре сержант заметил на пыльном полу следы босых ног.

– Что это? – испуганно спросил Грегори, – Я думал, здесь уже давно никого не было.

– Здесь он остановился, – Миллер задумался, – Постоял немного и пошел обратно. Странно...

– Мы пойдем дальше?

– Нужно же как-то выбраться наружу.

Грегори, молча согласившись, не стал продолжать разговор. Он никак не мог осознать, что уже два человека из их отряда погибли. Капитан Хилл говорил, что задание не будем трудным. Он говорил, что они справятся с ним за три дня и благополучно вернутся на базу, но обещания его не сбылись, а сам он погиб от пули в живот. Но он умер, как настоящий солдат, пал от руки врага, чего нельзя было сказать о рядовом Макбрайде. Юный Стивен умер, убегая от врагов, погиб при несчастном случае, пытаясь скрыться от вражеских пуль. «Нас всего двое осталось, – подумал Грегори, идя вперед, – Еще кто-нибудь погибнет?!»

По мере того, как они углублялись под землю, становилось все холоднее, но уже через десять минут извилистый коридор, уходящий лишь вниз, слегка изменил направление, немного поднялся вверх, и у него появились многочисленные разветвления.

– Если будем идти по следам, то не заблудимся, – сказал сержант Миллер.

Дальше коридор резко поворачивал направо, а за поворотом взору открывался просторный зал, освещенный солнечным светом, попадающим под землю сквозь искусственно созданную дыру в потолке, который тонул в свежей зелени мха, растущего вблизи дыры.

– Смотрите, там дверь, – чувствуя непонятный трепет, прошептал Грегори, – Что за странные линии на стенах?

– Царапины, – ответил ему сержант, – Слово кто-то много раз проводил по стене пальцем или какой-нибудь палочкой.

– Следы уходят за дверь.

– И дальше по коридору... нужно разделиться. Я пойду за дверь.

– Это обязательно? – Грегори засомневался, – Знаете, я прочел много разных рассказов, в которых герои разделялись и затем умирали по одному.

– Обязательно, – строго сказал сержант.

Грегори кивнул и, пожелав Миллеру удачи, пошел дальше по коридору. Пройдя совсем немного, он почувствовал приятный запах специй, и вскоре набрел на чье-то скромное жилище. Оно состояло из наспех сколоченного стола, старого спального мешка и некоего подобия шкафа, в котором хранились местные специи и рис. Дорожка из следов в этом месте заканчивалась, и Грегори решил, что идти дальше просто неразумно и нужно возвращаться к сержанту Миллеру.

Путь обратно занял немного больше времени, чем рассчитывал Грегори, но сержанта Миллера, хоть и думал, что тот уже далеко, он встретил у самой двери. Подходя к ней, рядовой Уокер сначала увидел вытекающую из-под щели между дверью и полом кровь, а, открыв дверь, рассмотрел в неярком свете выхода, к которому вела поднимающаяся наверх лестница, нечто, что могло быть сержантом Миллером.

В бесформенной куче мяса, из которой, словно копыя, торчали окровавленные кости, изредка просматривалась форма американского военнослужащего. Грегори точно знал, что это сержант Миллер, и знал, что должен забрать его жетон. Он, уже ничего не соображая, присел рядом с ним и погрузил руки в теплую кучу, состоящую из мяса, костей, кусков ткани и органов. Прошло десять минут, двадцать, тридцать, а Грегори, откладывая найденные жетоны капитана Хилла и рядового Макбрайда в сторону, все раскидывал куски Миллера по коридору, и только спустя час среди гнусно пахнущих кишок нашел то, что искал. Измазанный кровью и содержимым желудка, жетон был наполовину вонзен в почку. Стальная пластинка с выбитым на ней именем принадлежала сержанту Джону Миллеру. Рядовой облегченно вздохнул и повалился на пол.

Все произошедшее дальше Грегори помнил лишь обрывками. Он помнил, как вышел из-под земли в деревне, в которой они останавливались на ночь, помнил, что заметил голого пожилого вьетнамца, помнил ярость на его лице, помнил, как земля вокруг него вдруг взорвалась, помнил, как стал убегать от него...

Грегори бежал, но выбежать из деревни не мог. Куда бы он ни поворачивал, деревня все не заканчивалась и не заканчивалась, а старик ни на мгновение не останавливался и продолжал преследовать его, пока они, наконец, не встретились. Грегори замер на месте, и земля под его ногами взлетела вверх. Его откинуло далеко в сторону, а когда он открыл глаза после сильной боли от удара, увидел, что его левой ноги и левой руки нет. Не успел он понять этого, как старик оказался рядом с ним. Он одним легким движением закинул его к себе на плечи и унес обратно под землю, после чего Грегори потерял сознание.

Рядовой Грегори Уокер из штата Юта умер в тот день и попал в рай, но ангелы доставили его на базу, отправили в госпиталь, поставили протезы, а затем отпустили домой, после чего закрыли в доме для душевнобольных из-за его нелепых слов о смерти и о рае с адом. Грегори пролежал в психушке целых три года, а когда вышел из нее, получил почти что полную свободу.

Но скрыться от наблюдающих за ним докторов у него не получилось. Постоянный надзор за ним осуществлялся круглосуточно, и долгое время, до самого начала двухтысячных годов, его, словно дикого зверя, перевозили из одного исследовательского центра в другой – изучали странную аномалию, наблюдающуюся в его теле. В двухтысячном году Грегори Уокеру уже должно было исполниться больше пятидесяти лет, но с момента его госпитализации во Вьетнаме его тело изменилось лишь так, что человек, видевший его лишь раз, с трудом отличил бы Грегори времен войны во Вьетнаме от Грегори, вошедшего в новое тысячелетие. Грегори

Уокер выглядел не старше двадцати пяти лет, а сознанием так и остался в призывном возрасте, что ученые, однако, не посчитали странностью. Они объясняли это сильным шоком и психологической травмой из-за потери руки и ноги. На протяжении долгих десятилетий они исследовали его тело, но их исследования ни к чему не привели, и в третьем году второго тысячелетия правительством было решено предоставить ему свободу наравне с остальными жителями США. Ему возместили все мучения и подарили жилье, но взамен заставили регулярно приходить на обследования. Все происходящее напоминало настоящий цирк, но Грегори знал, что погиб тогда во Вьетнаме, поэтому все происходящее казалось ему вполне естественным, и он понял, что все еще жив только тогда, когда ощутил, что надзор над ним ослаб.

Грегори развязали руки, но возвращаться в семью он не стал. Родители уже давно умерли, а у брата была своя счастливая семья: любящая старушка-жена, два сына и пять внуков... Грегори не хотел неожиданно появляться в их жизни, поэтому, не стесняясь, заселился в подаренный ему правительством небольшой загородный домик и долгое время, пока не познакомился с ветераном Афганской Войны, жил в нем.

Новый и единственный за долгое время знакомый появился в его жизни неожиданно. Грегори подрабатывал экскурсоводом в своем городе, и один случайно набредший на него русский турист, представившийся ему Николаем Федоровичем, вдруг, искажая слова сильным русским акцентом, спросил его: «Сколько вам лет?»

Грегори не нашел, что ответить, но старик, стоящий перед ним все понял. «Я такой же, как ты, – сказал он, – Я стал таким холодной осенью 1812 года, когда мы с французами воевали. А ты?»

– После Вьетнама, – не веря, что случайность могла свести его с человеком, как и он, медленно стареющим, ответил Грегори, – Постойте, вы что-нибудь знаете об этом?

– Абсолютно ничего! – Николай Федорович заулыбался, – Знаю лишь, что некие высшие силы, или даже сам Бог, свели нас сегодня. Вам определенно нужно в Россию. Запишите мой адрес, буду вас ждать... когда приедете, тогда все и обсудим... простите, что сегодня поговорить не получается. У меня уже билеты на самолет куплены, через пару часов вылетаем.

Николай Федорович, оставив Грегори в глубокой задумчивости, пожал ему руку, и экскурсия продолжилась дальше.

Вечером, ложась спать, Грегори задумался о возможности, что энергия, скрытая за тонкой пеленой в том вьетнамском храме, может не только замедлить обыкновенное старение, но и сделать человека бессмертным или наделить его могущественной силой, которой обладал старик, оторвавший ему руку и ногу. До короткого разговора с Николаем Федоровичем Грегори ставил под сомнение существование того старого вьетнамца, но после уже точно был уверен, что конечности ему оторвало не миной, а загадочной силой, которой управлял старик. «Если я вновь найду что-нибудь подобное, то эта сила, возможно, станет моей, – засыпая, думал Грегори, – Но во Вьетнам я вновь не сунусь. Ни за какие деньги моей ноги там больше не будет!»

С такими мыслями он уснул, а утром сразу направился к ученым, исследующим его организм, чтобы попросить у них небольшой отпуск. Грегори думал, что ничего не получится, но уже через год по странному стечению обстоятельств он стал полноправным жителем Российской Федерации. Ничего не понимая в страшном круговороте событий, разговорах со странными людьми и выполнении таких же странных поручений, он уснул в квартире Николая Федоровича, а когда проснулся, последний документ, делающий его гражданином России, был уже готов. Хоть Грегори и уверили, что все документы настоящие, он в это никогда не верил. «Люди долгими годами пытаются переехать жить в другую страну, – говорил он, – а я стал гражданином России всего за один год. Не верю».

Но никаких проблем с гражданством не было, а Николай Федорович часто напоминал ему, что он за чем-то понадобился высшим силам, Богу, и именно поэтому его жизнь складывается наилучшим образом. Грегори отвечал ему, что сильно в этом сомневается, но факты

говорили сами за себя. У него появилась работа, подходящая ему по силам, крыша над головой и верный друг, помогающий ему всем, чем только можно. Грегори никогда не чувствовал острого голода, высыпался по выходным и, пока жена Николая Федоровича не умерла, был окружен дружелюбной средой, уважающей его и принимающего таким, каким он является.

Жена Николая Федоровича умерла, и все изменилось. Николай Федорович огрубел, ни с кем не разговаривал и, однажды, оставив после себя лишь записку, в которой говорилось, что искать его не следует, куда-то пропал. Он забрал шкатулку с жетонами, которыми Грегори дорожил больше всего на свете, и исчез, заставив бывшего солдата вспомнить, зачем именно он покинул родину и переехал жить в другую страну.

Грегори принялся искать, и поиски, в конечном итоге, привели его в Латин. Как и все происходящее с ним в последнее время, это тоже произошло случайно. Грегори просто бесцельно ехал в поезде на восток, и, будучи уже рядом с Уральскими Горами, вдруг почувствовал что-то, что напомнило о том чувстве, которое снизошло на него в помещении с линиями на стенах во вьетнамском храме. Случилось это в совсем маленьком городке, которого не было даже в расписании поезда. Грегори, повесив на спину рюкзак со всеми своими вещами, вышел из вагона и понял, что прибыл в место, которое долго искал.

Поезд уехал, а он остался...

Почти без денег, без жилья и знакомых, Грегори попал в совершенно незнакомый город, но опять все сложилось так, что он не умер от голода или холода. Грегори без проблем нашел для себя дешевое жилье и вскоре устроился на работу кондуктором на железнодорожном вокзале. На жилье и еду денег хватало, а больше Грегори ничего и не нужно было.

Прошел год, и в него влюбилась молодая девушка, а еще через полгода они сыграли свадьбу. Грегори переехал жить к ней, и никаких трудностей, кроме поисков энергии, скрытой за пеленой, в его жизни не осталось.

Грегори проснулся в холодном поту, но, вспомнив, что война во Вьетнаме уже давно закончилась, успокоился и с любовью обнял свою молодую двадцативосьмилетнюю жену, мирно сопящую на его плече. Был выходной, и часы показывали десять утра.

Грегори встал, оделся, причесал слегка поседевшие после Вьетнама черные волосы и выглянул в окно. Жил он на десятом этаже высокого многоквартирного дома, и почти весь небольшой Латин просматривался с этой высоты. Из квартиры Грегори был виден и асфальтобетонный завод, и спортивный стадион, и несколько больниц, торговых центров и разнообразных образовательных учреждений. Он смотрел на все это через окно, но интереса не испытывал. С недавних пор ощущаемое им чувство ослабло и сконцентрировалось лишь в одном месте – в подвале соседнего дома.

Грегори часто спускался в помещение с начерченными маркером линиями на стенах, но не знал, что нужно делать. Ответ маячил где-то рядом, но постоянно ускользал от него, и Грегори лишь раз за разом безрезультатно исследовал подвал соседнего дома, надеясь хотя бы на малый успех. В отчаянных попытках разузнать хоть что-либо, он обращался в церковь, в старые музеи и библиотеки, но никакой информации не находил и, отчаявшись, решил, что будет просто ждать...

7. Занавес

Укушенная нога болела, и кожа под повязкой чесалась, но Дима с этим ничего поделать не мог. Он, лишь иногда уезжая с отцом в ближайший поселок, чтобы ставить уколы от бешенства, днями напролет лежал в кровати и думал.

Алиса уехала обратно в Латин, и с тех пор жизнь Димы в деревне стала скучной и неинтересной. Он понимал это, и оттого боялся.

Пока Алиса была с ним, заботилась о нем и по возможности старалась не покидать его в то время, пока он лежал в кровати, Дима почти не чувствовал боли в ноге и совсем не думал о Николае Федоровиче, который забрал шкатулку, найденную в подвале сарая. Юноша ощущал заботу девушки и неосознанно радовался тому, что она рядом.

Но Алиса уехала вместе со своими родителями, и мысли тяжелым камнем навалились на него. Дима плохо спал и размышлял о старике. Он думал о нем, думал о солдатских жетонах, найденных в подполье сарая, о мгновенном старении дома и цветочного сада Николая Федоровича, о волке и не постаревших иконах. Чем больше он думал, тем загадочнее становилось всё случившееся с ним за последнее время. Перед тем, как встать на ноги, Дима уже не ставил под сомнение то, что Николай Федорович, действительно, живет уже больше двух сотен лет и за всю свою жизнь учувствовал во многих важных для мира войнах.

Выздоровление ноги шло долго и мучительно, но ближе к началу нового учебного года Дима, лишь слегка прихрамывая и ощущая несильную боль в бедре, спокойно ходил, бегал и почти не жаловался на жизнь. После того, как Алиса уехала, за ним ухаживал Андрей Иванович, его отец, и помощь его была куда заботливее, хоть девушка и старалась изо всех сил. Дима не хотел гостить дома долго, ведь в Латине у него осталось много дел, но укус дикого животного заставил его задержаться, поэтому Дима покинул отца только в конце августа, когда погода была еще жаркой и свобода до сих пор правила жизнью, но уже чувствовался холод предстоящей осени и учебы.

Они, Дима и Андрей Иванович, шли к железнодорожной остановке и оба молчали. Отец клял себя за то, что не вмешался в отношения своего сына и Алисы, что не помог девушке, а Диму терзали страшные мысли о том, что он грустит без Алисы. Он успокаивал себя, думая, что это нормально, когда человек грустит по своему другу, но его грусть не была похожа ни на что подобное. В ней перемешалась и тоска, и желание вновь увидеть девушку, прикоснуться к ней и обнять; и стремление поговорить, выразить благодарность; и что-то такое, о чем Дима старался не думать. Лишь малой долей своего сознания он осознавал, что Алиса ему небезразлична, но всячески отказывался принимать это. «Она – мой друг, – оглянувшись на отца, решил он, – Друг, и все!»

В детстве он строго приказал себе не ввязываться в любовные отношения, и долгое время не испытывал с этим никаких проблем. Проблемы появились только в старших классах. Животное сознание, заставляя юношу мучиться, требовало любви, но тогда Дима оказался сильнее своих потребностей. Теперь же все стало намного хуже. Он вспоминал, как Алиса приносила ему в кровать еду, как гладила его по голове, весело взлохмачивала волосы и пыталась поддержать нелепыми шутками, и сладкая дрожь проходила по всему его телу. До Алисы никто его так сильно и по-настоящему не любил.

Сохранять спокойствие было трудно. Дима не желал нарушить поставленные самим собой запреты, но и отталкивать Алису от себя ему не хотелось.

– Как ты думаешь, – слыша, как поезд подступает к станции, спросил Дима отца, – может ли существовать обыкновенная дружба между мужчиной и женщиной?

– Мы с твоей матерью долгое время просто дружили, – ответил Андрей Иванович, – В итоге все вылилось в любовь, но закончилось плачевно.

– Она любила тебя?

– Может и любила. Даже, точно любила. Знаешь, все эти психологи говорят, что настоящая любовь начинается с хорошей дружбы. Наша любовь тоже начиналась с хорошей дружбы...

– Значит, лучше не дружить с женщиной?

– Не могу точно ответить, – Андрей Федорович замялся, – Но думаю, что если ты уверен, что никогда не полюбишь ее, то вполне можно просто дружить. Ты это про Алису, да?

– Нет, – Дима отвернулся, – Мне это нужно для рассказа.

– Пора бы уже начать беспокоиться, Дима.

Юноша остановился и, окруженный зеленой листвой, впервые со страшной серьезностью посмотрел отцу в глаза.

– Не вижу ничего такого, о чем стоило бы беспокоиться, – сказал он, – Ты же знаешь, папа. Святой Рыцарь, все такое... это важно для меня. Понимаешь?

– Я тебя никогда не понимал, – Андрей Иванович вздохнул, – Почему бы тебе не быть обыкновенным человеком, таким, как все остальные? Так было бы легче. Зачем мучить себя?

«Мучить!» – мысленно воскликнул Дима и ответил:

– Я никогда себя не мучил. Все просто. Не хочу восхвалять себя, но, отрекаясь от низких любовных потребностей, я становлюсь лучше. Мои мысли яснее, а поступки приводят к куда большему результату. Пойми, папа!

– Не надо кричать.

– Извини... Ладно, электричка уже едет. Мне пора.

– Ты прости, что до поселка, до нормальной станции не довожу...

– Да ладно, не беспокойся.

– Ладно, давай. Пока.

Отец не стал обнимать Диму, но крепко пожал ему руку. Электричка останавливалась всего на пять минут, поэтому Диме пришлось поторопиться. Когда электричка прибыла, он, еще раз попрощавшись с отцом, предоставил проводнику билет и прошел внутрь. В электричке он доехал до железнодорожной станции и, прибыв на нее, пересел на поезд. В этот раз он ехал в купе.

Его попутчиками в грязном, но вполне пригодном для жизни вагоне оказались два пожилых чеха и русский парень примерно того же, что и Дима, возраста. У одного из чехов, Гжегожа Гуса, на лице блестели красные ожоги, у другого, представившегося Сэмом Жижкой, не было одного глаза, а третий, русский, как вскоре выяснилось, не был по-настоящему русским. Его предки жили в Германии, и звали его Артемом Таппертом. Таппертом он себя и попросил называть.

– Вот ты, Дима, очень странный, – протянул Тапперт, поглаживая свои рыжие волосы – Скажи мне, ты когда-нибудь любил?

– Любил? – Дима не понял, – Кого любил?

– Девушку, – сказал Тапперт, смахнув с глаз длинную челку, – Или тебе больше парни нравятся?

– Нет, – Дима покраснел, – Я никого не любил.

– Никогда?

– Никогда.

– Не может такого быть, – Тапперт рассмеялся, – Is that right, my friends?

Гжегож и Сэм дружно закивали головами.

– Я не знаю чешского, поэтому разговариваю с ними на английском, – пояснил Тапперт, – Но это не важно. Ты, действительно, никого никогда не любил?

– Никого и никогда.

– Странно. Мне вот всего двадцать два года, и у меня уже есть жена и сын. И я, представь себе, живу счастливо. Они не обременяют меня, а, наоборот, делают более свободным и счастливым...

– Нет, нет, – остановил его Дима, – Не в этом дело. Я не думаю так. Понимаешь...

Он решил не рассказывать совершенно незнакомому человеку о своем отношении к любовным отношениям и в нерешительности замолчал.

– Что я должен понять? – спросил Тапперт.

– Да, наверно, ты прав, – Дима отмахнулся, – Знаешь, я подумаю над твоими словами, а пока, если ты не против, не будем затрагивать эту тему. Хорошо?

– Как пожелаешь, – Тапперт улыбнулся, – Тогда, Гжегож, how do you think...

Дима вздохнул и, пытаясь не слушать разговор Тапперта с чехами, закрыл глаза. Поезд шел не слишком быстро, он приятно качался на рельсах; это быстро убаюкало Диму, и он уснул.

Когда Дима проснулся, чехов уже не было, а Тапперт устало смотрел в окно. По его лицу и сгорбленной спине, облаченной в синюю клетчатую рубашку, было видно, что он очень устал, и устал не от тяжелых физических нагрузок, а от одиночества.

– О, Дима, господи, наконец-то ты проснулся! – чуть ли не закричал Тапперт, увидев, что Дима сонно потирает глаза, – Мы уже Пермь проехали, а ты до сих пор спишь!

– Пермь?! – Дима ему не поверил, – Как мы могли так быстро проехать Пермь?

– А вот так вот. Я уже хотел будить тебя. Ты, ведь, говорил, что куда-то сюда едешь.

– Да. В Латин еду.

– Латин? – недоуменно спросил Тапперт, – Это что такое?

– Это город. Я в нем учусь.

– Странно, никогда не слышал о нем. Подожди, сейчас что-нибудь в интернете поищу.

Тапперт достал из кармана телефон и через пару секунд показал его Диме. На экране в строке поиска было забито: «Латин», а ниже красовались фотографии города и его официальная страница в сети.

– Я уже долгие годы езжу по этому маршруту, но никогда не слышал об этом городе, – пояснил Тапперт, – Вот, смотри, написано, что ничего не найдено.

– Как, ничего не найдено? – Дима еще полностью не проснулся и не до конца понимал, что происходит, – Тут, по крайней мере, десять страниц, и в каждой фигурирует Латин.

– Нет же! – Тапперт посмотрел на экран, – Ничего не найдено!

– Ты меня разыграть пытаешься? – разговаривая, будто с ребенком, спросил Дима, – Может, позвать кого-нибудь, чтобы он тоже на экран посмотрел?

– Да, лучше позвать.

Дима встал с кровати, но тут же упал обратно. Поезд сильно трянуло, и весь багаж полетел с полок вниз.

– Что это? – испуганно спросил Дима.

– Тихо, – ответил Тапперт, – Ни слова.

– Что?

– Ни слова, – повторил Тапперт, – Сиди здесь и не высовывайся.

– А ты?

– Тихо.

– Артем!

Тапперт, призывая Диму к тишине, приложил к губам палец и прильнул к окну.

– Дементоры? – Дима попытался пошутить.

– Какие, к черту, дементоры? Темнота.

– Темнота?

– Да. Сейчас станет темно.

Как он и сказал, через пару секунд солнце скрылось за плотными черными тучами, и купе погрузилось в непроглядный мрак.

– Что-то не так с погодой?

– Господи! Тихо, пожалуйста! Мне нужно сконцентрироваться.

– На чем?

Тапперт не ответил. Он сосредоточил взгляд на окне и стал шептать себе что-то под нос. Дима встал рядом с ним и попытался разобрать что-нибудь из его шепота, но не сумел понять ни слова.

– Ты меня все еще видишь? – спросил Тапперт через некоторое время.

– Вижу.

– Это плохо. Посмотри в окно. Видишь что-нибудь?

– Ничего.

– Ни деревьев, ни рельс?

– Ни деревьев, ни рельс.

Услышав такой ответ, Тапперт обеспокоенно прикусил губу.

– Да, – процедил он сквозь зубы, – Когда все это закончится, у меня к тебе будет пара вопросов. И про Латин, и про то, каким образом ты попал сюда.

– Что?

– То, что слышал. У тебя есть что-нибудь, чем ты, в случае чего, мог бы защититься?

– Нет...

– Тогда сиди здесь и никуда не выходи. Я скоро вернусь.

Сказав это, Тапперт задвинул за собой дверь так быстро, что Дима не успел произнести ни слова. Воздух пропитался тишиной, словно ночью на кладбище, и стремительные шаги, уносящиеся к головному вагону, превратились в страшное осознание того, что все остальные звуки просто исчезли. Мерное гудение поезда пропало; исчез и стук рельс под колесами, и шум из соседних купе. Тишина сковала поезд, и юноше стало тяжело дышать. Он, испуганно прислушиваясь к постепенно затихающим шагам Тапперта, подошел к окну. Лишь тьма, густая тьма, похожая на плотные клочья тумана, предстала его взору. Дима, мучая глаза до неприятной боли, всматривался в эту темноту, но ничего, кроме нее, не видел. Складывалось впечатление, что поезд, который во тьме совсем не проглядывался, плывет по воздуху, в абсолютной пустоте.

После неудачной попытки разглядеть что-нибудь в этой тьме, Дима вернулся на кровать. Шагов Тапперта уже не было слышно, и вместе с юношей осталось лишь его собственное дыхание и слабый хруст в суставах, который при отсутствии остальных звуков сильно выделялся при любом движении.

– Артем сказал, что нужно ждать, – прошептал Дима, – Слишком много странного происходит в последнее время. Даже и удивляться не стоит.

Он погрузился в молчаливое ожидание, но уже через пару секунд, проводя невольные аналогии с коридором с Воротами, вдруг почувствовал что-то, что заставило его вспомнить, какие ощущения наваливались на него, когда он оказывался в подвале дома, в котором снимал квартиру.

Не веря в то, что он попал в место, способное перенести его в коридор с Воротами, Дима приложил палец к стене и провел ритуал, который открывал двери к Воротам.

– Так и мой дух, бегущий и смятенный, вспять обернулся, озирая путь, всех уводящий к смерти предреченной, – сказал он, когда с ведением пальцем по стенам и перечислением цифр от одного до десяти было покончено.

Далее следовало открыть дверь. Дима сделал это, и тут же ему в лицо ударил поток освежающего прохладного воздуха, и нос наполнился приятным ароматом полевых цветов.

Юноша в удивлении раскрыл рот. Прямо перед ним, всего в нескольких шагах скрипели на ветру приоткрытые Первые Ворота. Дима шагнул в иной мир, раскрыл Ворота шире и чуть не закричал от восторга. Створка Вторых Ворот была слегка отодвинута в сторону, и в образовавшуюся щель попадал теплый летний свет. Дима, дрожа всем телом, прошел за Первые Ворота и обеими руками толкнул вперед Вторые. Они послушно отворились...

Дима не поверил своим глазам, но реальность оказалась реальной. За Вторыми Воротами, словно предыдущие, качались на ветру открытые Третьи, а за ними в ярком солнечном свете утопал зеленый луг с небольшим прудиком, рядом с которым стояло дерево с раскидистой кроной. Каждый листик дерева покрывала ослепительно блестящая на солнце роса. Цветов Дима не разглядел, но их запах чувствовал отчетливо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.